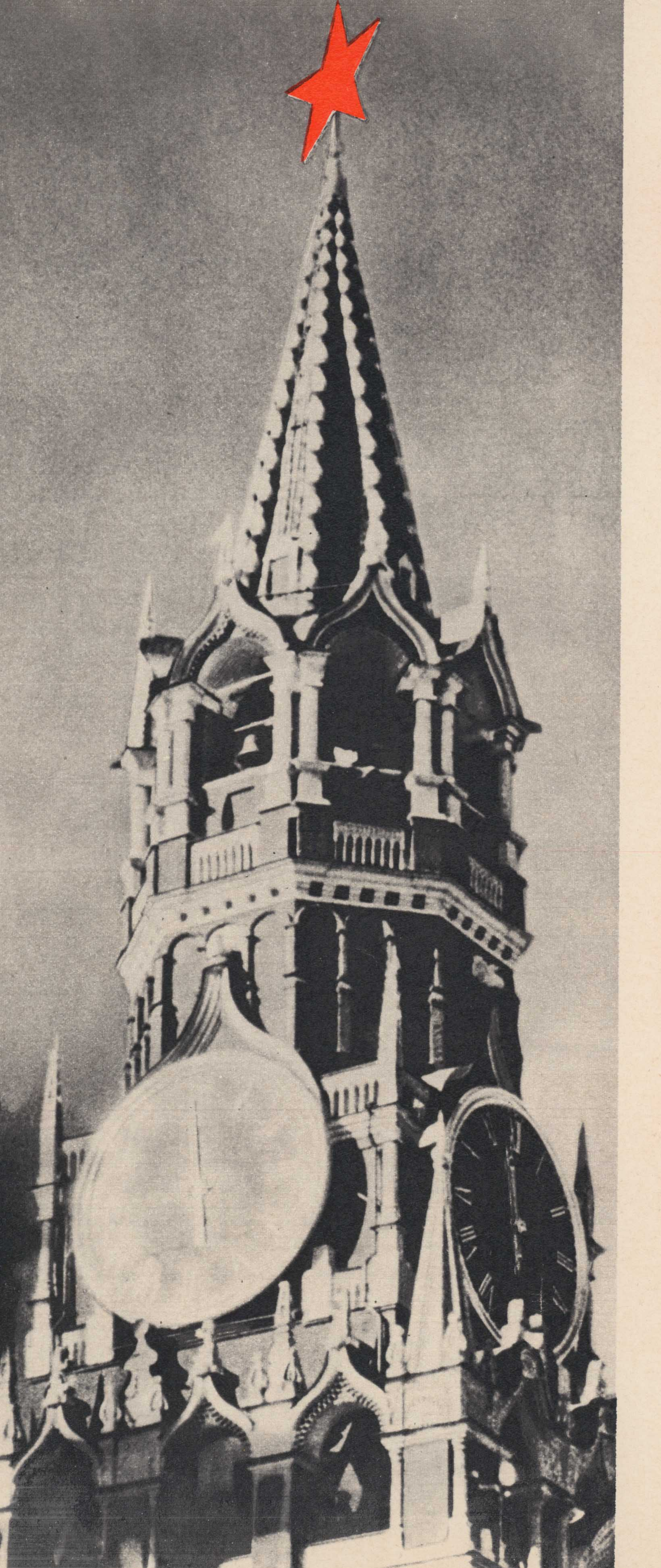

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 2 ЯНВАРЬ 1976
XXV СЪЕЗДУ КПСС—КАМСКИЙ АВТОМОБИЛЬ!
С ЭТОЙ МЫСЛЬЮ ТРУДЯТСЯ КАМАЗОВЦЫ.

НОВОГОДНЕЕ СОВЕТСКО

Дорогие товарищи, друзья!

Идут последние минуты 1975 года. Минувший год ознаменован крупными успехами Советской страны в коммунистическом строительстве, в борьбе за мир и безопасность народов. Полные сил и творческой энергии, с хорошим настроением вступают в новый, 1976 год граждане нашей великой Родины. Каждый прожитый год еще больше укрепляет могущество нашей страны, дело мира на земле, приносит новые свершения и новые радости всему советскому народу и каждой советской семье.

Нынешний новогодний праздник особенный — мы встречаем его на рубеже двух пятилеток. Взята еще одна историческая высота на пути к коммунизму. Советские люди гордятся тем, что их самоотверженный труд, творческая инициатива, единство воли и действий рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции во всех советских республиках, во всех отраслях народного хозяйства принесли замечательные результаты. Успешно выполнены основные социально-экономические задачи девятой пятилетки. Честь и слава всем, кто вносит свой вклад в приумножение материального и духовного достояния социалистического Отечества!

Прошедшая пятилетка по абсолютному приросту производства — самая значительная в истории нашей страны. Она не знает себе равных и по масштабам решения социальных задач, связанных с улучшением жизни советских людей, с удовлетворением их материальных и культурных запросов. Все большую заботу и внимание проявляют партия и государство к советским женщинам, к воспитанию подрастающего поколения.

Повышение народного благосостояния всегда было и будет высшей целью Коммунистической партии и Советского государства.

В прошедшее пятилетие еще полнее раскрылись преимущества и творческие силы социалистического общества, еще богаче и сильнее стала Страна Советов. Величие наших свершений в коммунистическом строительстве особенно наглядно видно на фоне кризисных потрясений, переживаемых капиталистической системой, и тех тягот и

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (2531)

10 ЯНВАРЯ 1976

ПОЗДРАВЛЕНИЕ МУ НАРОДУ

лишений, которые испытывают трудящиеся в странах капитала. Граждане Страны Советов не знают кризисов, безработицы, инфляции, неуверенности в завтрашнем дне.

Полный кипучей энергии, вдохновенно претворяя в жизнь планы ленинской партии, советский народ, все шире развертывая социалистическое соревнование, идет навстречу XXV съезду КПСС. Вся пятнадцатимиллионная партия подводит итоги пройденного пути и завоеванных успехов, устраняет недостатки, изыскивает резервы, добивается нового подъема всех творческих сил. Свой очередной съезд партия встречает монолитной, тесно сплоченной вокруг ленинского Центрального Комитета.

В эти дни советские люди активно обсуждают Основные направления развития народного хозяйства на десятую пятилетку — пятилетку мира и созидания, пятилетку качества и повышения эффективности производства, пятилетку дальнейшего роста народного благосостояния. И каждый советский труженик знает, что принесет пятилетка и стране в целом и ему лично. Отсюда и горячее стремление внести свой вклад в ее осуществление. Превращая мечту в действительность, советские люди строят БАМ и КамАЗ, орошают безводные пустыни, созидают новые фабрики и заводы, шахты и электростанции, добиваются повышения урожайности полей — делают все для дальнейшего расцвета нашей социалистической державы. Десятая пятилетка воплощает в себе ленинскую генеральную линию партии. Она поднимет Советскую Родину к новым вершинам экономического, культурного и научно-технического прогресса, откроет советским людям новые возможности для всестороннего развития сил и способностей.

Товарищи! Вот уже три десятилетия мы живем, работаем, строим новое общество в условиях мира. Торжественно отмечая 30-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, все мы вновь пережили чувство высокой признательности тем, кто отстоял свободу и независимость нашей Родины, спас человечество от фашистского рабства, с новой силой ощутили непреходящее значение свершенного. Великая победа убедительно показала, что социализм — это нерушимый оплот дела мира, демократии и прогресса.

Знаменательно, что именно в юбилейный год этого волнующего события достигнуты выдающиеся результаты в осуществлении советской Программы мира, во внешней политике стран социализма. Подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это явилось шагом поистине исторического значения на пути упрочения мира и безопасности народов.

Советский народ единодушно поддерживает и горячо одобряет внутреннюю и внешнюю политику ленинской Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, Советского правительства.

Огромный вклад в дело коммунистического строительства, в дело борьбы за мир и безопасность, за свободу и счастье народов вносит Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, снискавший своей неутомимой, благородной деятельностью уважение и признательность советского народа и всего прогрессивного человечества.

Товарищи! Сегодня мы от всего сердца шлем поздравления и самые добрые пожелания трудящимся братских социалистических государств. Мы приветствуем борцов против империализма и неоколониализма, народы развивающихся стран. Мы обращаемся с братскими чувствами солидарности к коммунистическим и рабочим партиям капиталистических государств, к рабочему классу планеты, ко всем людям труда, ко всем борцам за дело мира и социального прогресса.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР горячо и сердечно поздравляют с Новым годом тружеников города и деревни, ветеранов революции, войны и социалистического строительства, славных советских женщин, нашу молодежь, воинов Советской Армии и Флота — всех советских людей! Счастья и радости вам, вашим семьям, дорогие товарищи! Крепкого вам здоровья и новых успехов!

Пусть процветает наша любимая Советская Отчизна!
Пусть крепнет мир на земле!
С Новым годом! С новым счастьем!

Центральный Комитет КПСС   Президиум Верховного Совета СССР   Совет Министров СССР

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и премьер-министр Турецкой Республики С. Демирель на открытии Искендерунского металлургического завода.

ДОБРОСОСЕД

По приглашению премьер-министра С. Демиреля от имени правительства Турецкой Республики советская правительственная делегация во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным находилась в Турции с официальным визитом с 26 по 29 декабря 1975 года и приняла участие в церемонии открытия Искендерунского металлургического завода, сооруженного в соответствии с соглашениями об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Турцией.

Этот визит явился новым важным шагом в развитии контактов на высоком уровне, которые на протяжении последнего десятилетия сыграли большую роль в укреплении отношений между Советским Союзом и Турцией.

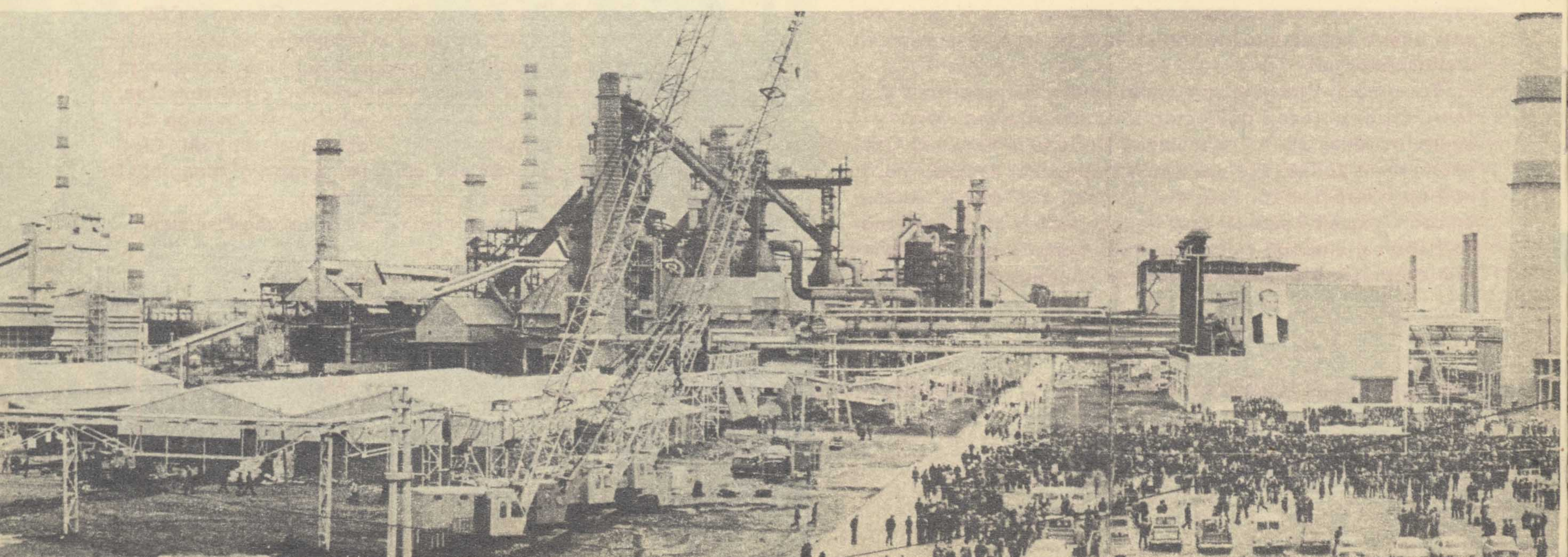
Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин нанес визит Президенту Турецкой Республики Ф. С. Корутюрку и имел с ним беседу.

Между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и премьер-министром Турецкой Республики С. Демирелем состоялись переговоры, проходившие в дружественной, деловой атмосфере. Состоялся широкий обмен мнениями по вопросам советско-турецких отношений и актуальным международным проблемам.

Во время визита была подписана программа культурного и научного обмена между СССР и Турцией на 1976—1978 годы.

Программу подписали — посол СССР в Турции А. А. Родионов и генеральный директор департамента культуры МИД Турции В. Ашироглу.

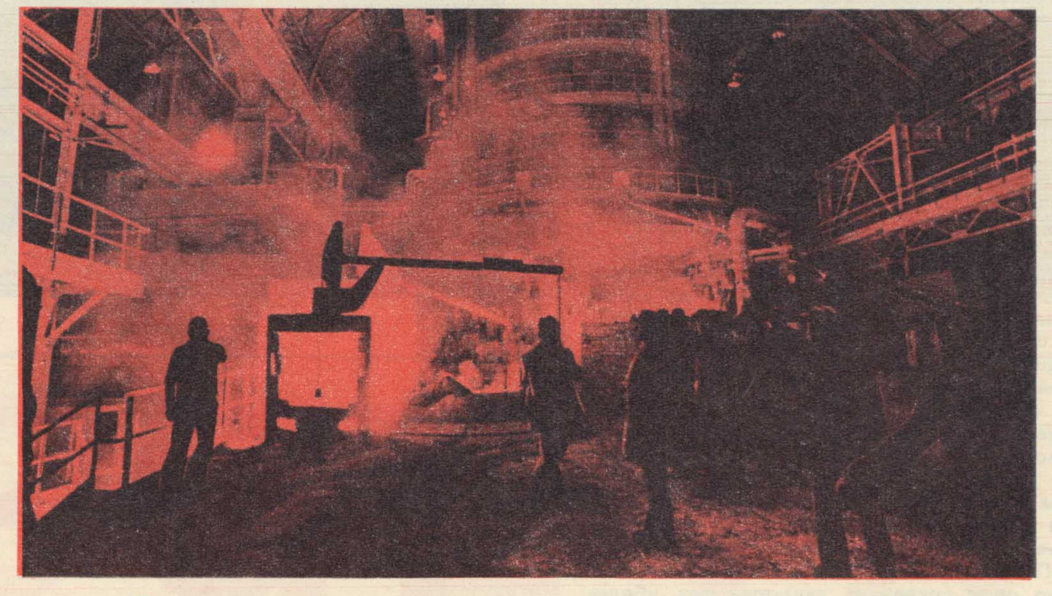
Панорама Искендерунского металлургического завода.

Рабочие завода.

СТВО

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специального корреспондента журнала
«Огонек»

Первая плавка.

Советский рабочий В. М. Латышев среди турецких металлургов.

КОЛХОЗНОЕ СОБРАНИЕ ОБСУЖДАЕТ ПРОЕКТ ЦК КПСС К XXV СЪЕЗДУ ПАРТИИ

ТОЧКА

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО, собственные корреспонденты «Огонька»

Поля укрыла искрящаяся скатерть. Над Семеновкой густели сумерки. На причудливо изогнутых улицах села желтыми огнями осветились окна. Село, которое еще час назад казалось оцепеневшим в предвечернем спокойствии, вдруг ожило. Захрустел снег под каблуками сапог, послышался певучий говорок женщин. Из дверей колхозного Дома культуры вместе с клубами пара выкатывались и медные звуки духового оркестра. Сегодня в колхозе «Радянська Украина», Обуховского района, собрались люди из четырех сел, чтобы обсудить проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Партсобрание открытое. Как только приехал секретарь райкома партии Виктор Сергеевич Крятов, его сразу окружила молодежь. Всем хочется знать о тех изменениях, которые должны произойти в ближайшие годы. Виктору Сергеевичу, бывшему учителю, легко говорить с молодежью. В девятой пятилетке район значительно увеличил ежегодную продажу мяса и молока, а продажа яиц возросла почти втрое. Сейчас район на сто гектаров угодий производит более пятисот центнеров молока и сто двадцать пять центнеров мяса. Специализация хозяйств позволяет поставить на промышленную основу производство молока, мяса, яиц, зерна. Естественно, что понадобится много грамотных, квалифицированных механизаторов.

— Успехи нашей страны — вот та высокая точка отсчета, с которой мы должны намечать свои планы на будущее,— говорил в докладе секретарь парткома колхоза Василий Дмитриевич Петриченко.— Опыт нашего хозяйства, особенно опыт последних двух-трех лет, убедительно подтверждает насущность вопроса, поставленного Центральным Комитетом КПСС,—

Доклад делает секретарь парткома В. Д. Петриченко.

В ПРЕНИЯХ ВЫСТУПАЮТ: Доярка Люба Сторожик.

Главный инженер Н. Я. Сушко.

ОТСЧЕТА

Зоотехник птицекомплекса Люба Нога.

Председатель сельсовета З. В. Йосипенко.

Бригадир П. Т. Сторожик.

Секретарь райкома В. С. Крятов беседует с молодежью перед собранием.

о более эффективном использовании кормов, механизации труда животноводов.

В. Д. Петриченко проанализировал, за счет чего поднялась производительность труда в колхозе за последние пять лет, а валовой продукт возрос на двадцать три процента. Но речь шла и о недостатках — непродуманном, без учета химического анализа, применении удобрений, расточительности в использовании кормов, высокой стоимости обработки земли.

Птичница Люба Нога (ее теперь называют «зоотехник птицекомплекса») говорила, что проект ЦК КПСС к XXV съезду партии верно указывает основные направления развития сельского хозяйства:

— И что наш колхоз сейчас планирует довести поголовье кур до сорока тысяч — это правильно! В новой пятилетке будем работать еще лучше.

— А что вам мешает работать лучше уже сегодня?— спросил Любу секретарь райкома.

— То с водой перебои, то тепла не хватало... Сейчас вроде бы все хорошо. Но вот ждем не дождемся, когда новый кормоцех пустят. Летом обещали... А то мы микродобавку в корм руками подсыпаем!

Выступила Люба Сторожик, доярка. Она подробно рассказывала о рационах, надоях. О своих социалистических обязательствах.

— А вообще работа доярки мне очень нравится.

— И что — нет работы лучше?— задиристо спросил кто-то из зала.

— Есть,— ответила Люба.— Я была в «Комсомоле», в соседнем колхозе. Так там беспривязное боксовое содержание. Каждая корова в своем боксе лежит. По расписанию коровы ходят в кормовой зал. Вся уборка механизирована. Там доярка не ходит к коровам, а животные сами приходят к ней в доильный зал. Быстро привыкают к порядку. Доярки работают посменно, вдвоем двести коров обслуживают! Так вот работа оператора машинного доения лучше моей.

Тут поднялся с места председатель колхоза Иван Исакович Короб.

— Даю справку: такая ферма в нашем колхозе вступит в строй нынче летом.

Многие из выступавших — и бригадир полевой бригады Павел Сторожик, и партгрупорг тракторной бригады Сергей Свидан, и другие — остро, по-хозяйски говорили о том, что еще мешает работе механизаторов. А семья их в колхозе год от года растет.

— Только в семьдесят пятом в нашем колхозе двадцать семь человек получили права трактористов,— сообщил главный инженер Н. Я. Сушко.— Надо умело использовать эту гвардию.

На собрании речь шла не только о делах производственных. Заглядывая в будущее, директор сельской средней школы Дмитрий Григорьевич Кабанец, председатель Перегоновского сельсовета Зоя Васильевна Йосипенко горячо говорили о проблемах формирования нового человека, развитии социалистического образа жизни.

— Мы должны поднять всю нашу работу на качественно новую ступень,— сказал в заключение председатель колхоза И. Короб.— Культура производства предполагает внутреннюю культуру людей. Надо поднять дисциплину труда, воспитывать в людях чувство товарищества, коллективизма, добросовестность... У нас намечено благоустройство центра села, строительство больницы, а в селе Деремезна будут новая школа и клуб. Планируем строительство магазинов, четырехквартирных жилых домов для колхозников со всеми городскими удобствами.

Официально собрание закончилось в тот же вечер. Но оно продолжалось и в последующие дни. Люди и на работе и дома вели разговор о том, каким быть колхозу в десятой пятилетке. А в правлении уже уточнялись планы развития хозяйства с учетом замечаний, высказанных на собрании.

Киевская область.

Обсуждается проект перспективного плана развития колхоза.

Заведующая птицекомплексом Л. Н. Джух.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

6 января по приглашению Советского правительства в Москву с официальным визитом прибыл заместитель премьер-министра, министр иностранных дел Финляндской Республики, председатель социал-демократической партии Финляндии Калеви Сорса.

На Ленинградском вокзале К. Сорсу и сопровождающих его лиц встречали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

В тот же день состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и заместителем премьер-министра, министром иностранных дел Финляндской Республики, председателем социал-демократической партии Финляндии К. Сорсой.

Во время переговоров, проходивших в дружественной, деловой атмосфере, имел место обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-финляндских отношений. Были обсуждены также некоторые актуальные проблемы современной международной обстановки, представляющие взаимный интерес.

Во время встречи.

Фото А. Гостева

Наш взгляд

КТО «ОКРЫЛЯЕТ» ПРОТИВНИКОВ РАЗРЯДКИ

Сергей ЛОСЕВ

Тактика врагов развития советско-американских отношений варьируется в зависимости от конкретной обстановки, но главная их цель остается неизменной: любой ценой помешать материализации разрядки, не допустить дальнейших совместных мер в сфере прекращения гонки вооружений.

Достигнутую во Владивостоке историческую договоренность о выработке долгосрочного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений год назад противники разрядки в США критиковали «слева», утверждая, что согласованные там пределы, или «потолки», всех стратегических средств доставки ядерного оружия «чрезмерно высоки». Теперь те же самые деятели, не моргнув глазом, ратуют за то, чтобы поднять этот «потолок» еще выше, дабы дать возможность Пентагону развернуть новые виды стратегического оружия, которые ранее США изображали как оружие тактического назначения.

Конечно, эти бесчестные и беспардонные приемы были бы обречены на провал, и их инициаторам, очевидно, не удалось бы нагромоздить новые завалы на пути завершения женевских переговоров СОЛТ-2, если бы они своевременно получали более твердый отпор в самих Соединенных Штатах. К сожалению, из-за конъюнктурных расчетов в предвыборном для США году негативное влияние этих происков военно-промышленного комплекса сказывается и на позиции официального Вашингтона. Это подметила не только американская пресса, но и видные американцы, которых никак не назовешь дилетантами, поскольку они досконально разбираются во всех тонкостях американского подхода к переговорам об ограничении стратегических наступательных вооружений СОЛТ-2. Так, бывший заместитель министра ВВС США Таунсенд Хупс указал, что «последнее предложение США об ограничении арсеналов стратегического ядерного оружия, которое было в неофициальном порядке внесено в сентябре, но всплыло на поверхность (в результате пресс-конференции в госдепартаменте. — **Прим. авт.**) лишь в конце ноября, абсолютно неразумно, если исходить из того, что мы ставим своей целью установление подлинного контроля над вооружением». Речь идет, по существу, о попытке поставить вне рамок ограничений, которые должно предусматривать новое долгосрочное соглашение, американские крылатые стратегические ракеты — низколетящие беспилотные самолеты, которые могут быть запущены с бомбардировщиков или с подводных лодок на удалении 2 тысяч миль от заданной цели, могут нести большой ядерный заряд и обладают большей точностью попадания в цель, чем многозарядные боеголовки с индивидуальным наведением элементов.

Согласившись во Владивостоке на определенные пределы для числа наступательных стратегических систем доставки, американская сторона предлагает теперь расширить эти пределы и дать США возможность развернуть крылатые ракеты как новую систему стратегического наступательного вооружения.

По мнению Хупса, такого рода подход продиктован Пентагоном и его союзниками в аэрокосмической промышленности, которые настаивают на некоем неотъемлемом праве трансформировать любую техническую возможность в боеготовую систему оружия, независимо от последствий, к которым это может привести. В действительности, подчеркивает Хупс, в крылатой ракете нет никакой объективной потребности. «Обе страны располагают в своих ядерных арсеналах огромными потенциалами многократного уничтожения. Никто больше не нуждается в новых или чудесных средствах разрушения. Поэтому Соединенные Штаты могут внести достаточно заметный вклад в стратегическую устойчивость и политическое здравомыслие, оставив этого злого джинна в бутылке».

Здравую позицию Хупса разделяют сейчас в США многие. В последние дни американская ассоциация сторонников контроля над вооружениями также выступила с открытой критикой тех, кто ведет дело к срыву переговоров о заключении нового долгосрочного соглашения. В письме президенту Дж. Форду председатель правления директоров ассоциации У. Фостер, в прошлом руководитель агентства США по разоружению, заявил: «Мы весьма встревожены сообщениями о том, что Соединенные Штаты предложили, чтобы вместо использования владивостокских уровней в качестве отправного пункта для сокращения, к этим уровням были добавлены новые стратегические средства доставки — стратегические крылатые ракеты, которые могут запускаться в неограниченном количестве со всех видов подводных лодок, и крылатые ракеты дальнего действия, доставляемые на самолетах».

Краеугольный принцип равенства и одинаковой безопасности сторон положен в основу бессрочного Договора об ограничении систем противоракетной обороны и действующего до 1977 года Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, которые СССР добросовестно и скрупулезно выполняет. Этот принцип должен неукоснительно соблюдаться и при окончательной доработке проекта нового долгосрочного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, как это и предусмотрено владивостокской договоренностью.

Советский Союз добивается точного воплощения владивостокской договоренности в новом долгосрочном соглашении, которое впервые в истории будет включать не только количественные, но и качественные ограничения стратегических ядерных вооружений, и мы ожидаем такого же ответственного подхода американской стороны на переговорах СОЛТ-2. Ростки взаимного доверия нужно заботливо оберегать, если мы хотим дополнить разрядку политическую разрядкой военной.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Паспорт получает ученик московской школы № 414 А. Левашов.

Фото А. Бочинина.

ПАСПОРТ ГРАЖДАНИНА СССР

За окнами мороз. А в зале цветут гвоздики, и от их праздничного красного цвета все здесь кажется праздничным, торжественным. Может быть, и потому, что алый цвет гвоздик удачно гармонирует с темно-красными обложками лежащих на столе книжиц...

Паспорт. Новый паспорт гражданина СССР. Мы пришли в зал заседаний исполнительного комитета Бауманского райсовета Москвы, где 4 января 1976 года москвичи-бауманцы одними из первых в столице стали обладателями паспорта нового образца. Эта большая честь предоставлена ветеранам Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн, передовикам производства и лучшим школьникам района, достигшим шестнадцати лет.

...Торжественная минута. Вручается первый паспорт. Его принимает из рук председателя исполкома райсовета В. Н. Филюшина человек в строгом синем костюме. Фотовспышки репортеров отражаются в приколотых к пиджаку орденах, медалях, почетных знаках. Это известный полярный летчик М. С. Комаров, участник многих арктических и антарктических экспедиций. Звучат аплодисменты, поздравления, подбегают пионеры с цветами... И кажется, что этот человек, прошедший сквозь льды и метели, сквозь огонь военных лет, взволнован сейчас, как никогда в жизни.

— Да, в такой момент трудно быть спокойным,— говорит Михаил Семенович,— в полной мере отдаешь себе отчет, как это много — быть гражданином такой страны.

Еще один паспорт. Его бережно принимает юноша, на пиджаке которого блестит пока лишь один значок — комсомольский. Мы подходим, просим представиться.

— Левашов Леша... Нет, простите, Алексей Германович! — поправляет он сам себя и, словно для уверенности, приподнимает руку с паспортом.— Еще не привык к мысли, что я уже взрослый... Биография? Учусь в школе номер 414, в девятом «А». Вроде неплохо учусь... Вот и все! Вернее, все только начинается. Любая дорога открыта. Огромное счастье—быть гражданином СССР!

Б. СМИРНОВ

ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМИЙ

МОСКВА

Мышца «строит» сама себя

Глаза больного закрыты парализованными веками. Он слеп при абсолютно здоровом зрении. Долгое время исцеление его казалось невозможным. Но хирург вернул человеку радость общения с миром, сделав уникальную операцию пересадки маленьких фрагментов икроножной мышцы больного на место пораженных. Мышца-трансплантат через несколько дней проросла нервными волокнами и кровеносными сосудами, обрела способность сокращаться.

Подобная операция возможна на основе открытия советского биолога, лауреата Государственной премии Александра Николаевича Студитского, который впервые в мире доказал способность мышечной ткани восстанавливаться при трансплантации.

Студитский экспериментально доказал, что мышца способна к приживлению после ее пересадки с одного участка тела на другой. Способна вопреки традиционно устоявшемуся мнению о невозможности трансплантации мышечной ткани.

Более двадцати лет назад Студитский занялся исследованием любопытного явления. Если мышце нанести предварительно небольшие травмы — уколы, порезы, то она мобилизует все свои защитные ресурсы и гораздо лучше справляется с последующим серьезным повреждением, причем мышечное волокно подвергается глубокой перестройке. Из него вновь вычленяются особые клетки — миобласты. Именно они-то и занимаются повторным строительством нового мышечного органа на новом месте. Самое сильное нарушение мышцы — измельчение до состояния фарша или кашицы — вызывает развитие свойства, которое исследователи назвали трансплантационной активностью. Измельченная мышечная ткань при пересадке способна построить нормальный жизнеспособный орган на месте удаленного. Бесформенная масса вскоре обретает первоначальную форму, лишь немного уменьшенную в размерах.

И вот я в той самой лаборатории Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР.

— Методы биологической подготовки мышц к трансплантации основаны на представлении об их пластическом состоянии,— говорит профессор А. Н. Студитский,— это способность мышцы приспособиться к изменениям структуры и энергичное стремление ткани к восстановлению. Сотрудницей нашей лаборатории Р. П. Женевской было доказано, что полноценное восстановление работающего мышечного органа происходит в результате взаимодействия пересаженной мышцы с окружающими тканями, с сосудами и нервами.

Клиницисты уже начали применять наш метод в лицевой хирургии, поскольку бесспорна очевидность приживления небольших фрагментов мышц. К сожалению, пока не удается добиться такого же эффекта при пересадке больших участков мышечной ткани. Но мы работаем и над этой проблемой.

Работы А. Н. Студитского, безусловно, являются еще одним шагом к раскрытию интереснейших тайны живой ткани.

Виктория КРАМОВА

РИГА

Телекамера исследует рак

Уже несколько лет в республиканском онкологическом диспансере Латвии работает кибернетическая установка, созданная в лаборатории телевизионных диагностических устройств Института электроники и вычислительной техники Академии наук Латвийской ССР совместно с учеными Латвийского научно-исследовательского института экспериментальной и клинической медицины. Она предназначена для автоматизированной диагностики раковых заболеваний при массовых осмотрах населения. Устройство известно под несколькими названиями — «ТАСИ-1», «ТАСИ-2», система «КАДР». В свое время его создатели были удостоены Государственной премии Латвийской ССР. Они первые нашли удачное применение телевизионной микроскопии для анализа живой ткани. Не случайно поэтому Рига стала местом проведения всесоюзных симпозиумов и конференций по применению кибернетических методов в диагностике предопухолевых заболеваний и различных форм рака.

В последние три года сотрудники лаборатории телевизионных диагностических устройств во главе с кандидатом технических наук А. Хесиным и группа ученых-медиков под руководством главного онколога республики В. Брамберги работали над усовершенствованием диагностической кибернетической аппаратуры, чтобы «научить» ее с максимальной точностью и по более широкому числу признаков ставить диагноз. Кроме того, выполнялась задача автоматизировать обработку данных с помощью электронной вычислительной машины. И вот родился новый кибернетический комплекс.

В его состав входит телевизионный микроскоп, увеличивающий клеточную структуру ткани в десятки тысяч раз. Телевизионная камера преобразует изображение в видеосигнал, подаваемый в логический автомат для обработки. В нем производится измерение геометрических параметров изображения. Результаты измерения вводятся в электронно-вычислительную машину. На телеэкране крупным планом появляются скопления клеток. Контрастность позволяет разглядеть ядро, оболочку, протоплазму. А логический автомат почти моментально измеряет геометрические характеристики каждой клетки. Эти характеристики в конечном итоге и позволяют определить, насколько организм предрасположен к заболеванию.

Если в первых «ТАСИ» измерялись только площади и периметры клеток, то новый аппарат дает еще вертикальные и горизонтальные размеры, ведет счет числа измеренных клеток.

Сейчас ученые Института электроники и вычислительной техники готовят комплекс к отправке в Милан на выставку достижений советской науки и техники, открывающуюся в январе нынешнего года.

С. ИЛЬИЧЕВА

А. Левитин. Род. 1922. ПОРТРЕТ БРИГАДИРА ЭЛЕКТРОМОНТАЖНИКОВ В. Д. РОГОЗЫ.

А. Бурзянцев. Род. 1928. НА РОДИНЕ И. В. КУРЧАТОВА.

Агостиньо НЕТО

СОЗИДАТЬ СВОБОДУ И ЖИЗНЬ

Выдающийся деятель африканского национально-освободительного движения, президент Народной Республики Анголы Агостиньо Нето — один из видных поэтов континента. Ему присуждена международная литературная премия «Лотос».

«Я и мои друзья,— пишет Агостиньо Нето,— приняли решение использовать поэзию для ознакомления мира с жизнью нашего народа, для достижения скорейшего взаимопонимания и помощи нашим братьям со стороны всех боевых сил антиколониализма».

●

Начинается звездный путь
от стремящейся вдаль антилопы,
от качающихся облаков,
от вздымающейся волны,
от распахнутых крыльев,
полных весеннего ветра.

Раздается первый аккорд —
и рождается
атом согласного строя
и ритма,
ядро невидимой клетки,
из которой растет
все богатство
и разнообразье земли.

Начинается звездный путь—
он не мог не возникнуть,
и к прошлому,
вспять
он вернуться не может.

Он идет сквозь Сегодня,
стремится
к едва различимому
Завтра.
Он вырос
из нашего сердцебиенья,
из огня наших глаз.
Он — совесть и разум,
не абстракция,
не пустота,
не бессмыслица,
не беспорядок.

В нем —
запахи влажных лесов
и шелест деревьев,
чьи корни —
единая плоть
с нашей тучной землей.

Звездный путь —
он один,
он единственный,
наш,
и другого не ведает мир,
ибо все, что рождается,
рано иль поздно
потянется ввысь,
к небу,
горящему
сотнями тысяч огней.

Звездный путь —
он зовет
всех раздавленных,
порабощенных,
копошащихся
в горестном прахе,
на дне бытия.

Он проходит
над ширью земной,
над рычанием джунглей,
над свежестью ливней,
над раскатами грома,
над вспышками молний.
И по небу,
как будто
по коже тамтама
выбивает невидимая рука
все быстрее и четче
ритмы свободы,
ритмы надежды,
ритмы веселого смеха,
ритмы правды
и ритмы любви.

Звездный путь —
над красными бликами,
над пожаром
в иссушенных,
мертвых саваннах.
А тамтамы
не умолкают,
бормочут
свои заклинанья,
ворчат,
задыхаются,
рвутся,
несут к небесам
африканскую страсть
и гармонию
будущих дней.

Начинается звездный путь
от стремящейся вдаль
антилопы,
от качающихся облаков,
от вздымающейся волны,
от распахнутых крыльев,
полных весеннего ветра,
и летит
в бесконечность Вселенной,
неся наши ритмы
в пространство,
вперед!

●

Мама моя!
Убивали твоих сыновей,
а тебя приучили терпеть.

Мама моя!
Годы жизни твоей
друг на друга похожи,
словно могильные камни,
а тебя приучили страдать,
ожидая спасенья с небес.

Но твоим сыновьям
другой завещан удел.
Терпенье иссякло до дна,
страдание стало источником гнева,
а надежда на небо
убита в каждом из нас.

Мы сами — надежда!

Мы недавно еще —
поденщики,
голь,
батраки на плантациях кофе;
мы — голодные вечно,
вконец истомленные жаждой;
мы — лишенные света,
слепые невежды,
знали одну только школу —
волю хозяев;
мы боялись
ходить по земле,
где лежат наши предки;
мы любили,
как будто
чужое добро воровали;
мы тебя
называть нашей матерью
остерегались...

Мама моя!
Теперь мы иные.
Мы сами себя
вывели из преисподней,
и нет нам
дороги обратно.
Мы не боимся жизни,
значит, мы не боимся смерти.
Только мы —
и никто другой —
надежда Анголы!
Только мы —
и никто другой —
принесем тебе счастье!

●

Созидать,
созидать,
созидать —
духом и плотью,
мыслью и делом,
сохраняя
мышцы — твердыми,
чуткими — нервы,
сухими — глаза!

Созидать,
созидать
поэмы о наших
изгаженных джунглях,
о подлых ударах бичей,
о деревьях,
израненных жадной пилой.
Созидать,
созидать,
и да будут сухими глаза!

Смеяться под пыткой,
быть стойкими,
твердыми,
сильными,
зло презирать,
воспитывать смелость
и бодрость вливать
в ослабевшие жилы.
Созидать,
созидать,
и да будут сухими глаза!

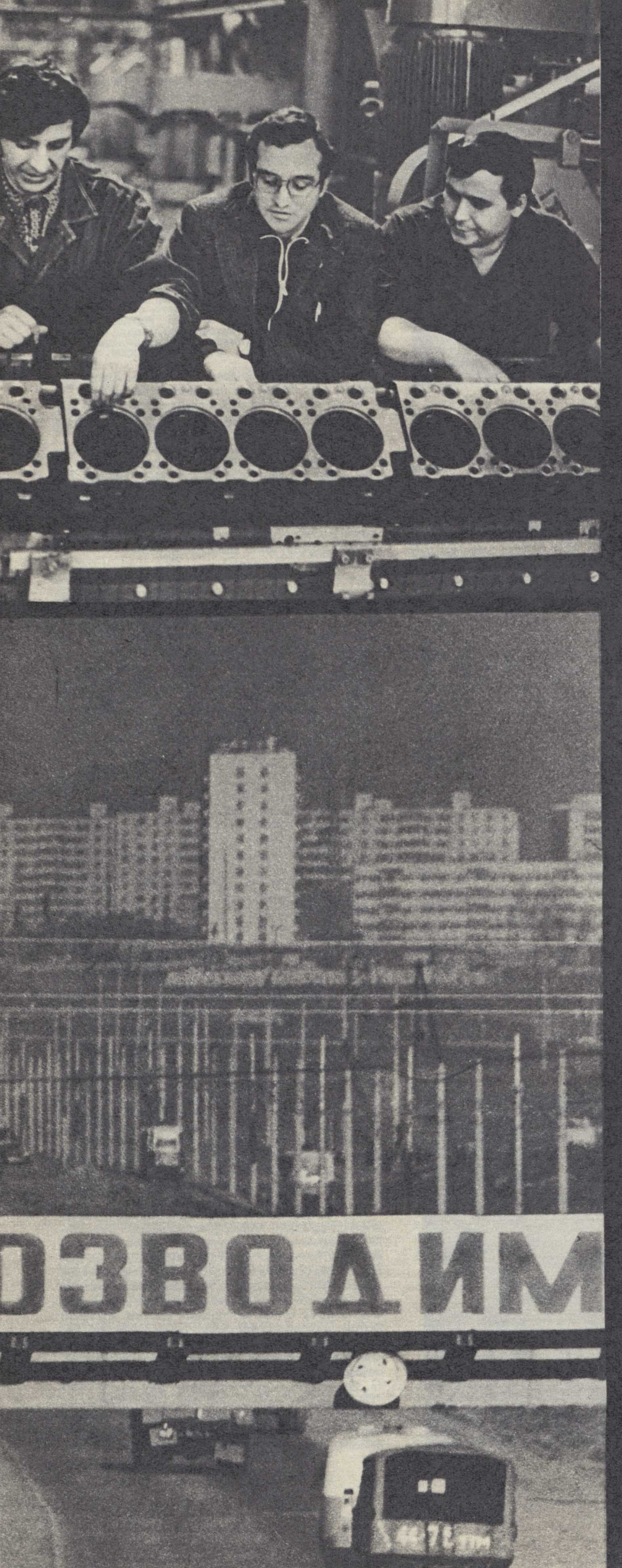
Созидать,
созидать
окропленное звездами небо.
Дать земле тишину,
колыбельную —
плачущим детям,
отдых —
покрытому по́том рабу.
Уничтожить орудья войны
и кровавую злобу!
Ненависть выбросить вон!
Но прежде —
изгнать угнетенье.
Строить новый
наш дом!
Но прежде —
мусор убрать
и расчистить
место для стройки.
Созидать,
созидать,
и да будут сухими глаза!

Созидать,
созидать
любовь —
там, где скверна и страх;
свободу —
там, где гремят
привычные цепи;
жизнь —
там, где ветер
качает тела
на виселицах...

Созидать,
созидать
свободу, и жизнь, и любовь,
и да будут сухими глаза!

Перевел Михаил КУРГАНЦЕВ.

СВОИМИ РУКАМИ В

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

КамАЗ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Г. КОПОСОВА

Каждый день Набережных Челнов, как полновесный ковш, черпающий драгоценную руду,— чем ближе к жиле горной породы, тем выше концентрация благородного металла... События нарастают с такой быстротой, что за ними едва поспевают летописцы величайшей стройки. Еще, кажется, совсем недавно, под октябрьские праздники, строители и монтажники рапортовали о досрочном выполнении годового и пятилетнего плана и торжественно, под звуки оркестра, вручали семье счастливого новосела ключ — от юбилейной квартиры юного города. На ней сошелся двухмиллионный квадратный метр жилой площади. К первому миллиону шли четыре года, второй вырос всего за два! И вот под новый год сданы новые жилые дома, открылись кинотеатр, магазины... Еще совсем недавно местные газеты посвящали свои страницы тем, кто выдал первую поковку на кузнечном заводе, сделал первые блоки цилиндров двигателя, собрал первые мосты автомобиля... И вот уже готовится к пуску кузнечный завод. В декабре новая радость: собран первый двигатель. А двигатель, кто этого не знает,— сердце машины!

— Ярославские конструкторы разработали мощный и сложный агрегат, который превосходит по своим параметрам двигатели, выпускаемые для автомобилей в настоящее время,— говорит Виктор Денисович Поташев, директор завода двигателей.— Проектная мощность завода — двести пятьдесят тысяч дизелей в год. Ни одна страна в мире в год не делает столько дизелей подобного типа. Чтобы получить представление о заводе, побывайте хотя бы в одном из двадцати основных цехов. У Власова, например, в цехе стальных деталей...

Цех Власова предстал неожиданно. Ориентировалась на красные огни, что мигали, вращаясь, над рядами высоких автоматов, обнесенных заграждением, и очутилась у парадного входа. Над зеленой решеткой лозунг «Наш цех борется за звание цеха имени XXV съезда партии». Под прозрачным чехлом тяжелый бархат переходящего красного знамени.

— Монтаж первых линий поступившего к нам оборудования наш цех завершил досрочно,— сказал Дмитрий Борисович Власов.

Власов довольно молод, ему тридцать семь лет, а выглядит еще моложе, быстр в движениях и разговоре, собран, деловит и корректен. Сам себя считает «стариком»: средний-то возраст в цехе 25 лет, и среди итээров он действительно старше всех. И это характерно для КамАЗа — молодость кадров.

Родился Дмитрий Борисович в Ярославле, в семье машиностроителя, работал на знаменитом моторном заводе, начинал учеником моториста, дошел до заместителя начальника такого же цеха, как этот — стальных деталей. В 1971 году приказом по министерству его перевели в Набережные Челны. На дизельном заводе монтажники тогда ставили колонны каркаса. Но конструкция мотора уже была разработана ярославцами. И уже тогда в соответствии с проектами нужно было изыскать самое прогрессивное в мире, с заглядом в будущее оборудование; может быть, такое, которого еще и не существует, но оно должно быть создано и в очень короткие сроки.

Власова послали во Францию. Он работал в Кламаре, предместье Парижа, где в ультрасовременном здании разместилась закупочная комиссия КамАЗа, в Булонь-Бийанкуре, где расположены заводы фирмы «Рено». Именно с этой фирмой в дни визита во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в октябре 1971 года было подписано соглашение о ее участии в создании дизельного завода Камского автомобильного комплекса.

Потом Власова послали в ФРГ. Штутгарт, маленький городок Людвигсбург. Тут он выступал в роли старшего приемщика первой, автоматической линии «Бур» по обработке шатуна, изготовленной специально для КамАЗа.

— Трудностей было много, они есть и будут,— продолжает Власов.— Вот линия «Бур» по обработке шатуна.— Мы остановились как раз у тех автоматов, над которыми, загадочно вращаясь, совсем как на машинах ГАИ, мигают красные лампочки.— Кстати, вторая такая линия будет отечественного производства. Ее поставит минский завод автоматических линий. Производительность очень высокая. Соответственно высокие и на автоматах и скорости резания, неведомые обычным машиностроительным заводам. При таких режимах требуется огромное количество смазывающей и охлаждающей жидкости — СОЖ — особого состава. Миллионы литров! СОЖ попутно уносит с собой стружку, ее отделяют и отправляют в переплав. Все хозяйство СОЖ в тоннелях стружкоуборки. Когда мы пускали автоматические линии, в тоннелях не было смонтировано оборудование, задерживали многочисленные поставщики. Нам пришлось пойти на обходной вариант, разработать временные схемы для подачи СОЖ. Нельзя было допустить, чтобы драгоценное оборудование стояло мертвым капиталом. Нужно было понять и нетерпение людей. Все ждали момента, когда начнут работать не на стройке, не в Горьком или Ярославле, не в Минске и не в

Д. Б. Власов.

Тольятти, а на родном КамАЗе, на самых лучших в мире автоматах. Попробовать бы! Запустить! Проточить первую деталь. Посмотреть, на что способна эта великолепная техника! К тому же и времени, чтобы ждать, не было: коллектив КамАЗа взял обязательство ускорить пусконаладочные работы и собрать первые автомобили к открытию XXV съезда КПСС. Потребовались экстренные меры. И мы нашли выход из положения.

Время не ждет. Время диктует: даешь мотор!

* * *

На городской партийной конференции я обратила внимание на молодого человека в светлом костюме, который очень долго не отходил от книжного киоска, и из-за него очередь не двигалась. Кто он, этот заядлый книголюб? Лицо, обветренное до красноты, дружелюбный взгляд серых глаз...

В прениях по докладу выступало много коммунистов. Председательствующий назвал фамилию партгрупорга Донцова. Из третьего ряда поднялся и быстро пошел на сцену русоволосый человек, и когда он обернулся к залу, я сразу его узнала — да это же тот самый незнакомец-книголюб! Работает в цехе сборки и испытания автомобилей. Там, где с главного конвейера будут сходить обутый в шины КАМАЗ.

— У нас в цехе,— говорил он,— каждый девятый — коммунист: слесарь Никитин, машинист Вознев, водитель Коростылев... Коммунист Киндиров — великолепный воспитатель. Пришел в его бригаду новичок Володя Н., только что из армии; встал на комсомольский учет, но вел себя вовсе не по-комсомольски. То опоздает, то вообще не придет или явится в таком состоянии, что глаза бы его не видели. Прорабатывали его комсомольцы, но результатов не добились. Взялся тогда за своего тезку Киндиров: он тоже Владимир. Долго и терпеливо опекал он его, пока, наконец, парень сам почувствовал свою вину перед коллективом.

О. В. Донцов.

Вот о них, о коммунистах автосборочного завода, говорил Олег Викторович Донцов в своем выступлении на городской партконференции. Не обошел и строителей.

— Мы миримся с тем, что у нас нет бытовок, терпим. Но они, товарищи строители, нам нужны, и не через несколько лет, а гораздо раньше. Не забывайте об этом! У нас нет Дворца культуры. Камазовцы очень хотят, чтобы он был. Мы можем вам во внерабочее время помочь его строить.

А заключил свою речь он так:

— Борьба за КАМАЗ вступила в решающую фазу. Уже завершается механомонтаж главного конвейера. Очень напряженные дни. Дорожим каждым часом, каждой минутой. От имени коммунистов завода прошу первого секретаря обкома КПСС товарища Табеева передать Центральному Комитету партии, что первая колонна автомобилей, собранная нашими руками в процессе пусконаладки в подарок XXV съезду КПСС, будет!

В перерыве я разыскала Донцова, договорилась с ним о встрече на следующий день.

Встреча в субботу не состоялась. Тогда я в воскресенье поехала в Новый город, домой к Донцову.

— Да уж вы извините меня,— заохал он.— В субботу вызвали меня на работу. Мы на двадцать пятом комплексе Нового города работали. А сегодня занялся профилактикой автоскрепера. Вот только что пришел.

В комнату вошла маленькая девочка и сразу потянулась на колени к отцу.

— Олюшка, доня наша.

— Вы не с Украины?

— Оттуда. Есть такой городок — Новоазовск. Не слыхали? Я после армии работал там водителем на «Скорой помощи». Люда, позже мы поженились, тогда медицинский институт кончала. Вот и решили податься на большую стройку, чтобы жизнь здесь свою строить.

— Как же складывается она у вас?

— Я сначала шофером городского автобуса был, а потом попросился на КамАЗ. Зачислили меня водителем-испытателем цеха сборки и испытаний автомобильного завода. Тут меня и в партию приняли — кончался кандидатский стаж. Послали на стажировку в Москву, на ЗИЛ, а когда вернулся, предложили работать на легковой машине. Я отказался. Стройка такая, а я буду на «Волге» кататься... Тогда направили меня до пусконаладки главного конвейера в распоряжение управления механизации. Недолго ждать осталось. Мы скоро будем на главных своих рабочих местах, на автомобильном заводе!

— По партгруппе Донцова можно судить об авангардной роли коммунистов,— говорил мне днем позже Алексей Алексеевич Кудряшев, секретарь парторганизации цеха сборки и испытания автомобилей.— Сам Донцов на скрепере тоже прекрасно работает — 180 процентов нормы дает. Организатор хороший. Начитанный человек. Депутат горсовета.

Мы шли с Кудряшевым по гигантскому корпусу — на километр с лишним вытянулся,— просвечивающемуся из конца в конец. Несколько лет назад я видела, как бульдозеры, скреперы и экскаваторы вынимали здесь грунт; как потом сварщики навечно приваривали к стальным колоннам фермы; как монтажники вешали панели и витражи; как бетонщики настилали основания под полы. И вот сейчас этот корпус, поднятый усилиями и волей тысяч людей, рассекала ровная, подобно струне, бетонированная траншея со светло-желтыми стояками главного конвейера сборки, спроектированного и изготовленного в Белоруссии, в Минске.

Был обеденный час. Ушли бетонщики. Спустились со своих подкупольных высот сварщики, которые готовят ярусы для подвесных толкающих конвейеров. Поблескивала монорельсовая дорога, на которой будет размещен сборочный инструмент и кран-балки. Возвышались громадные кантователи — им переворачивать раму с поставленными на нее мостами. Потом конвейер доставит сюда дизель, собранный на соседнем заводе. А там, где кончается надпольная часть главного конвейера, реечками, похожими на шпалы, легла дорожка. Она повезет автомобиль к финишу.

На какое-то мгновение здесь стало совсем тихо. И только снизу донесся шелест тяговых цепей. Шла обкатка механизмов главного конвейера. Скоро начнется сборка!

МОЙ ДРУГ МУСА

Нора АДАМЯН

РАССКАЗ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

Тратить деньги на кино не имело никакого смысла. Все ребята нашего двора взбирались на плоскую крышу, затем с некоторой опасностью для жизни перепрыгивали на крышу соседнего дома, карабкались по подставленным камням на высокую стену и оказывались прямо напротив летнего экрана кинотеатра «Горняк», в котором каждую неделю шли новые «боевики».

Так что зрелищами мы были сыты. А деньги частично истратили в магазине с вывеской, всегда будоражащей мое сердце: «Писчебумажные товары, Иинджержишек». Иинджержишек — это не сокращение, это фамилия владельца. Вероятно, главы фирмы, потому что, как мне помнится, в нашем городе было несколько магазинов с такими вывесками. Мы взяли несколько пачек копировальной бумаги — черной, синей, зеленой и красной, а также много ярких лакированных изображений цветов, скрещенных рук и ангельских головок, носивших название «налепки».

На остальные деньги мы ели мороженое в павильоне на Приморском бульваре. Каждому из нас подали полный двойной ассортимент — по два шарика ванильного, шоколадного, лимонного, фисташкового и еще клубничного. Получилось не меньше чем по полкило на брата.

А потом мы пошли бродить по вечернему бульвару. Постояли на пристани, прислушиваясь к тому, как равномерно, негромко шлепает море о деревянные сваи. К пристани подплывал пароход, увенчанный разноцветными огнями. Он двигался неслышно, только откуда-то из его глубин раздавалась музыка, и мужской голос пел слова таинственной песни:

Есть в Батавии маленький дом
На окраине, в поле пустом...

На меня в этот миг налетело радостное предвкушение будущей жизни. Я словно услышала паровозные ночные гудки в шуме бегущего поезда, увидела березовые рощи, дорогу в овсяном поле, ледяные горы в синем небе. Все приметы будущего счастья, горя, красоты и боли.

Муса стоял рядом. Но, видимо, наши существа, ублаготворенные мороженым и осчастливленные тяжестью магазинных свертков, были одинаково охвачены высоким мироощущением.

— Мусинька,— сказал он,— в книге я читал, что есть люди, которые бросают свой дом и уходят в пустыню. Совсем одни живут. Черные сухари кушают. Зачем они так делают?

Я тоже не понимала, зачем.

Приехал Шох!

За месяц до его прибытия дедушка получил письмо в истрепанном желтом конверте с безграмотно написанным адресом. Само же послание было на тонкой рисовой бумаге, испещренной красивой арабской вязью. Дедушка читал его про себя за общим столом, потом что-то сказал бабушке по-армянски. И только, закладывая конверт во внутренний карман пиджака, увидел напряженно ожидающее лицо Мусы.

— Шох поклон шлет. Интересуется, как твои успехи.

Не было этого в письме! Дед проговорил эту фразу неестественной скороговоркой. Но Муса просиял.

Еще не знали точного дня прибытия гостя, но хозяйственная бабушка заблаговременно перевела меня в столовую. Мою комнату готовили для Шоха.

Муса все свободное время сидел за учебниками. Он хотел поразить Шоха своей образованностью. Это желание было понятно и мне. Мы вместе обсуждали будущее торжество Мусы.

— Ты как начнешь читать, он и закачается!

Муса счастливо смеялся.

— Вытаращит от удивления свои лупоглазые глаза, скажет: «Ай да Муса! Настоящий профессор!» И будет тебя на «вы» называть...

Эти предположительные картины вызывали у Мусы такое восхищение, что он прощал мою неуважительность к персоне Шоха.

Он даже исхудал, истаял в ожидании своего повелителя.

Наконец пришла телеграмма.

Вечером мы с бабушкой перебрали десять стаканов тонкого «ханского» риса для плова. Утром дедушка отправился на базар и вернулся в сопровождении носильщика, который нес корзину с огромным ломтем свежей розовой лососины, бараньей ногой и другой провизией.

Потом дедушка и Муса уехали на пристань встречать пароход «Али-баба». А к обеду явились два моих дяди с женами.

Они были тогда совсем еще молодые — дядя Арто, ученый-географ, и младший — дядя Лева, врач-рентгенолог, «дамский угодник», как называла его бабушка.

Между их женами тут же началось вечное негласное соревнование на звание «любимой невестки». То и дело слышалось: «Мама, что надо помочь?», «Ничего не трогайте, только мне скажите», «Посидите, отдохните, я сама все сделаю»...

Но все уже было сделано — и стол накрыт и кофе намолот.

Дядя Арто обозревал закуски.

— Где икра?— спрашивал он, изображая отчаяние.— Где паюсная, мешочная, зернистая икра? Неужели оскудел этот дом?

— Икры и не может быть,— лениво отзывался дядя Лева.— Закон ислама гласит: все, что живет в море и не покрыто чешуей, правоверным в пищу не годится.

Противень с кругом лососины вытянули из духовки. Бабушка беспокоилась, что подгорят кусочки лаваша под пловом.

— Этот далай-лама уморит нас голодом!— сердился дядя Арто.

Наконец в столовую влетел Муса. Запыхавшийся, очень взволнованный.

— Приехали... Сейчас дворник вещи принесет...

И снова кинулся на улицу.

Я поймала его взгляд и подмигнула ему в предвкушении будущей победы.

Внесли вещи, непохожие на наши чемоданы и баулы. Это были ковровые мефреши, тугие тюки, обтянутые парусиной, переметные сумы, вытканные из яркой шерсти. Все вещи пахли дымом костра, бараном, полынью.

Потом появился Шох.

Дедушка шел впереди, как бы пролагая ему дорогу. Я смотрела на Шоха с таким вниманием, что навсегда запомнила все до мелочей. На нем был длинный кафтан в серую полоску, темно-зеленая шелковая рубаха, подпояска из цветного платка. Будто сейчас вижу огромную в длинных завитках папаху и четки из черного агата в окрашенных хной пальцах. Красноватая борода Шоха росла ниже подбородка, а сам подбородок был не то чтобы гладко выбрит, а вообще начисто лишен волос — крупнопористый, коричневый, как все лицо. Только глаза Шоха я не запомнила, может быть, потому, что никогда не могла встретить его взгляд.

Шох, высокий и тонкий, сделал перед бабушкой красивое легкое движение — поднял руку к глазам, к груди и как бы простер к земле. Чуть наклонил голову в сторону дядей. Молодых женщин просто не заметил. А я за все время его пребывания в нашем доме так и не попала в поле его зрения...

Вот таким был Шох. Не может быть, чтобы Муса не рассказывал о нем своей дочери. Но она вспоминала о другом.

— Папа был очень общительный, а мама нет. Она только любит, чтобы вся семья была около нее. А так не получается. Вот и моя семья сейчас раздроблена. Мы с мужем в экспедиции...

— А что за экспедиция?

— Совместная, международная. Советские геологи и польские. Выявляем горные ресурсы. Я как связующее звено — и геолог и переводчик. Работа интересная, и к маме часто летаю, только по детям скучаем, особенно Стас. Он хороший отец. Но не всегда у нас с ним полное взаимопонимание. Представляете, образованный человек, а по воскресеньям и в праздники с матерью в костел ходит! Я в отпуск домой приехала. «Папа,— говорю,— что делать»? Я ведь знала папины взгляды. А он меня удивил. «Мусинька,— говорит,— надо уважать чужие убеждения. Постепенно,— говорит,— своего добивайся, не сразу...» И вспомнил, как вы в целях воспитания накормили его свининой...

Вот они сидят — Шох во главе стола, по правую его руку дедушка, по левую — Муса. Шох мальчика точно не замечает, но Муса весь наполнен его присутствием. Он готов в любую минуту сорваться с места, чтобы услужить повелителю. Мне это было неприятно, хотя и я неосознанно чувствовала, что Шох — личность.

Плов Шох и дедушка ели руками. Кругооб-

Окончание. См. «Огонек» № 1.

разно обводя пальцами по тарелке, приминали зернышки риса в жирный комок и отправляли его в рот, не уронив ни крошки.

В конце обеда принесли пиалы с теплой водой, и Шох обмакнул в воду свои длинные пальцы с оранжевыми ногтями. В другой пиале прополоскал белые руки с большой бирюзой на безымянном пальце мой дед.

По столовой плавал аромат аравийского кофе и апельсинов. На тарелках высились горки фисташковых скорлупок. Все шло ко времени подведения итогов, к показу успехов, достигнутых малым побегом племени Шоха.

Сделать это следовало непринужденно, как бы между прочим, хотя непринужденности не было и в помине. Ответственность за наступающий миг ощущали и я, и бабушка, и даже оба дяди. Может быть, всем передалось волнение Мусы, у которого совсем закрылись глаза и открылся рот.

В столовой на подоконнике лежали тетради по русскому и арифметике, отмеченные в конце каждой работы красным учительским «хор». Чтобы совсем сразить Шоха, тут же была и стопка рисунков, тщательно переведенных из разных книг и раскрашенных акварелью. Муса согласился на этот обман, подстрекаемый тщеславием и в надежде на то, что Шох не знает о существовании копировальной бумаги.

Была подготовлена и концертная часть. Я долго подбирала подходящие стихи и наконец выбрала «Мцыри». У Мусы была необыкновенная память, он мог выучить наизусть всю поэму. Но было решено, что он прочтет только первую главу, а в качестве аккомпанемента я исполню на пианино свой последний урок — баркаролу Чайковского.

Мы были во всеоружии. Но никто не торопился призвать нас к действию. Им, видите ли, было важно, какая в Закаспийском крае погода, как поживают дети Шоха, его верблюды, его стада баранов. Спрашивали вежливые дяди, спрашивала бабушка. Шох отвечал, дед переводил. Я заметила, что Шох понимает порусски, но говорить не хочет. А почему бы ему не поинтересоваться: «А ну-ка, Мусиша, покажи, чему ты тут научился?» Но даже когда вежливый разговор иссяк и все на минуту замолчали, он не сделал ни одного движения в сторону мальчика.

Понял наше нетерпение дедушка. Разламывая надвое фисташку, он благодушно сказал:

— Почитай-ка нам что-нибудь, Муса, а мы послушаем...

Дядя Арто раскрыл толстый портфель, который всегда был у него под рукой, и вытащил два тома.

Он не успел раскрыть книгу, как Муса, взглянув на обложку, крикнул не своим голосом:

— История ха ха века!

Дядя Арто негромко сказал: «Ого!»

— История хих века!— провозгласил Муса заглавие другого тома. Он не знал римских цифр! Я точно проваливалась в глубокий колодец. Сейчас засмеются дяди, у которых чувство юмора в переизбытке. Сейчас Шох поймет, что мальчика недоучили.

Но никто не засмеялся. Все только на секунду застыли. А Муса пулеметно, без точек и запятых, выкрикивал текст из истории двадцатого века. Больше всего он боялся запнуться на каком-нибудь незнакомом слове. Но поначалу этого не произошло, и он, успокоившись, шпарил все быстрее, временами останавливаясь, чтобы перевести дыхание, и тогда его коричневые глаза с ожиданием и надеждой устремлялись на Шоха.

И я смотрела на Шоха. Мне так хотелось, чтобы он удивился, засмеялся, похлопал Мусу по плечу...

Дедушка одобрительно кивал, дяди сдержанно улыбались. Шох сидел безучастный, как каменный истукан. Его лицо было брезгливо утомленным. Когда Муса на секунду замолк, чтобы перевернуть страницу, Шох повернулся к дедушке и спросил его о чем-то по-туркменски. Муса снова было начал чтение, но, не глядя на него, Шох сделал отстраняющее движение рукой, и мальчик замолчал.

— Молодец Муса!— сказал дядя Арто.— Поразительно способный ребенок...

— За короткое время такие успехи...

Мои дяди делали вид, что говорят друг с другом.

Тогда равнодушно качнув головой в сторону Мусы, Шох бросил короткую фразу, которую Муса потом смог перевести мне только приблизительно. В его русском языке не хватало слов для более точного перевода.

— Дождь над морем не нужен,— сказал Шох.

— Но это не значит именно «дождь»,— пытался втолковать мне Муса.— Так говорят, когда делается совсем ненужное дело... совсем глупое дело...

— Сейчас вот перед нами стоит вопрос воспитания детей. Я уверена, что свекровь их без меня в костел таскает и на воскресные беседы к ксендзу водит. Только на то и надеюсь, что для мальчиков я пока самый высокий авторитет. А как поступать, чтобы никого не обидеть? Если бы папа был жив, все было бы проще. Он очень любил моих ребят. Бывало, привезу их к нему на все лето — и они просто преображенные домой возвращались. Он с ними целые дни возился и столько в них вкладывал! «Пусть молодые везде чувствуют себя дома. Так когда-нибудь и будет на земле». Это был его конек — поговорить о будущем...

Шох прожил у нас неделю. Каждый день варили плов. Каждый день в определенные часы из моей комнаты доносилось бормотание: Шох молился. Для этого в углу был постелен коврик. Меня очень интересовало, как это происходит, но дверь в комнату всегда была плотно закрыта.

Дедушка возил Шоха по учреждениям. Оказывается, Шох приехал, чтобы продать Советской власти земли своего племени. Но из этого, кажется, пока что ничего не получалось.

Муса получил из рук Шоха посылочку от каких-то своих дальних родичей — мешочек риса, толченного с сахаром, и сумку катышков из теста, варенных в бараньем жиру. Он готов был одарить своими гостинцами всю нашу семью — принес их к общему столу,— но бабушка посоветовала ему держать сласти в своей комнате и кушать, когда он сам захочет.

Меня это вполне устраивало. Но пиры у нас получались невеселые. Муса все никак не мог прийти в себя. Безразличие Шоха к его успехам выбило опору из-под его ног.

С ртом, набитым сладкой рисовой мукой, которая при каждом слове вылетала как облако, я допытывалась у Мусы:

— Ну что ты, для Шоха, что ли, учился?

— Для Шоха,— отвечал он уныло,— я должен был стать его правой рукой. А теперь не нужно. Шох говорит: русские совсем испортились. Он не хочет с ними дела иметь. Он уходит в Персию. Землю продаст и уйдет.

— Не продаст он землю.

Муса недоверчиво усмехнулся.

— Земля народная,— сказала я, вколачивая эти слова в продолговатую, как дынька, голову Мусы.— Не его земля. Теперь все переменилось. А твой Шох этого не понимает!

— Мусинька, он меня увезет с собой...

— Ну, знаю,— довольно равнодушно отозвалась я.— В школе тебя отпустили, а осенью приедешь снова.

В этот день Муса ничего больше мне не сказал. Шоха собирали в дорогу. Он ездил с дедушкой по магазинам и скупал совершенно неинтересные вещи — множество глубоких галош на красной подкладке, чай, спрессованный в плитки, головы сахара и рулоны красного и синего сатина.

Шла весна, у меня хватало своих забот. Надо было натянуть отметки по математике, чтобы не иметь на лето тяжкой гири переэкзаменовки. Время уходило не столько на занятия, сколько на организацию. Кто-то должен был решить за меня годовую контрольную, кто-то незаметно передать ее мне. А я, со своей стороны, подрядилась написать три сочинения по литературе.

Так что события нашего дома отошли для меня на второй план. Я и забыла совсем, что назавтра Шох и Муса уезжают, шла домой из школы, помахивая сумкой, когда вдруг увидела Мусу.

— Чего ты здесь торчишь?

— Тебя жду. Пройдем немножко по улице.

— Зачем?

Он жалобно перекосил лицо.

— Вместо того, чтобы радоваться, ты какой-то ненормальный стал,— назидательно сказала я.— Домой едешь! В родные края!

Муса молчал.

В двух шагах от нашего дома был маленький сквер, именуемый Молоканским. Днем там сидели няньки и бабушки с младенцами и малолетками. По вечерам туда ходить не рекомендовалось. У входа в этот чахлый садик продавали воздушные шары и разноцветные вертушки — бумажные розетки, прикрепленные к скрещенным палочкам. Когда бежишь против ветра, розетки крутятся.

В садике нежно пахло травой, которая повсюду проклюнулась сквозь палые листья.

Мы нашли свободную скамью. Муса ни за что не хотел сесть с кем-нибудь рядом. Его дело требовало конспирации.

— Мусинька, я не хочу уезжать с Шохом...

— Ну, удивил!— сказала я.— То «ах, юрта, ах, верблюд, ах родные просторы», а то «не хочу»...

— Мусинька, он меня не отпустит обратно... Это навсегда!

Только тут я стала понимать Мусу.

— Я не хочу в Персию, я там ничего больше не узнаю. Шох говорит: чтобы баранов пасти, много учиться не надо. Ну, пусть ему не надо. А мне надо. Я хочу астрономом стать...

— Ну, оставайся...

— Как останусь? Кто меня кормить, одевать будет?

— Ну ты совсем малахольный. Жил у нас до сих пор и будешь жить.

— За меня Шох платил.

— Кому платил?

— Дедушке. Вчера сидели, считали — за дорогу, за учителя, за брюки, за рубашки... Знаешь, сколько денег Шох отдал...

— Врешь ты...

Я знала, что Муса никогда не врет, знала, что это правда, но не могла ее принять. Ах, как хотелось бы мне, чтоб дедушка не брал никаких денег. Чтоб не было никаких расчетов ни за учителя, ни за рубашки, ни за кусок хлеба, съеденный в нашем доме.

Все теперь как-то странно переменилось. Я впервые осуждала дедушку. Я не могла больше идти к нему и требовать, чтобы Муса остался у нас.

И все-таки Муса не должен был уезжать!

— Шох сказал: столько денег выбросил на ветер, лучше бы ишака купил... Он плохой человек!

— Дошло до тебя, наконец...

Сквозь щелочки глаз Мусы просочились слезы. И потекли, потекли...

Я приняла решение. Он останется. Будет продавать вразнос ириски и шоколад «Одесса-мама», а я буду делать мережку по десять копеек за метр и отдавать ему деньги. Как-нибудь обойдемся.

Муса слушал меня, но все еще всхлипывал.

— А разнюнился ты!— сказала я сурово, чтобы поднять его дух.— Главное — не уедешь. Не бойся. Я тебе ручаюсь!

Та пятница — выходной день в Азербайджане — началась с предотъездной суматохи. Пароход — на этот раз «Илья Муромец» — отходил в двенадцать часов, но бабушка встала с зарей. Дед тоже поднялся рано. Когда он хотел с бабушкой посекретничать, они говорили по-армянски, хотя я отлично все понимала.

— Это хороший ребенок,— говорил дедушка. Видимо, разговор у них шел о Мусе.— Жалко его...

— Еще неизвестно, где он будет счастливее,— вздохнула бабушка.

Дед вдруг рассердился на нее, что бывало очень редко.

— Думай, что говоришь! Неужели ты не понимаешь, что здесь теперь наступили времена именно для таких, как он?..

У меня было много хлопот в этот день, и время летело быстро. Дворник Мухан уже выносил из дома тюки и переметные сумы. Вещи Мусы — узелок, фанерный чемодан и связка учебников — лежали у дверей, но самого Мусы нигде не было.

Вот уже выпили на дорогу кофе. Невозмутимый Шох летящими движениями руки попрощался с бабушкой и вышел, чтобы сесть на извозчика.

— Где Муса?

Дедушка повернулся ко мне, но я опередила его. Я выскочила во двор, отчаянно призывая Мусу. Я заглядывала во все подвалы, дважды забежала в дворницкую, где с особым старанием переворошила дивно пахнущие полынные веники, стучалась в квартиры соседей.

Шох сидел на извозчике прямой и неподвижный, шевелил только своими четками, а дедушка поглядывал на часы, потому что стрелки уже перевалили за одиннадцать. И дядя Арто поглядывал на часы, но все молчали. Наконец Шох сказал что-то коротко и отрывисто. Дедушка наскоро отдал распоряжение дяде остаться дома и, если появится Муса, везти его на пристань, а мне велено было сесть на место дяди Арто и ехать провожать Шоха.

Почему бы не поехать? Тоже удовольствие.

На обратном пути дедушка со мной не разговаривал. И вообще был не в духе.

Дома Мусы не было. Бабушка встретила нас встревоженным взглядом и ушла с дедом в свою комнату.

А я помчалась на веранду. Там в длинном деревянном ларе, где хранились продукты, придавленный мешком с орехами, лежал плоский белый Муса, и не шевелился, и не дышал...

— Люди добрые!— закричала я, выскочив во двор и вздымая к небу руки.— Люди добрые, помогите, я погубила мальчика!..

Нет, я его не погубила. Он очнулся и скоро пришел в себя. Потом он много учился, но стал не астрономом, а специалистом по орошению безводных земель, ученым, профессором. У него была дочь и два внука — Муса и Анджей.

Знает ли Мария, что судьбу ее отца решила я?

Вечером мы долго совещались, куда спрятаться Мусе. Я предлагала в дворницкую, под веники. Но уже утром, перед отъездом, он сказал, что залезет в ларь. Я очень тщательно прикрыла его мешками.

Прошло много лет. Почему мы потом не встречались? Вернулись мои родители, наша семья отделилась от стариков. Умер дедушка. Муса уехал работать и учиться в Ташкент. У меня началась своя молодая, счастливая, трудная жизнь. И мы потеряли друг друга.

И все же именно я причастна к тому, что Муса осуществил свои мечты. Он прожил хоть и недолгую, но богатую, полную жизнь и оставил свой след на земле.

И сейчас я чувствовала себя очень гордой. Мария говорила:

— Папа дал мне имя в вашу честь. Он много рассказывал, какая вы были живая, веселая девочка...

Да, наверное, я была такая.

— Он всю вашу семью любил, но больше всего дедушку. Папа всегда говорил: только человек большой души мог не испугаться ответственности за чужого ребенка. Ведь он всю папину жизнь перевернул.

Конечно, дедушка сделал для Мусы много. Муса жил у нас в доме, из этого дома он уехал учиться в институт. Но все-таки решающая роль в судьбе Мусы принадлежала не деду, а мне! Мария, видимо, ничего не знает об этом...

Но названная в мою честь молодая женщина рассказывает мне о том, что происходило десятки лет назад. И я вдруг понимаю, что она знает больше меня. Я наконец начинаю понимать, как все тогда было на самом деле...

Поздно вечером, накануне отъезда Шоха, Муса подкараулил дедушку, который перед сном всегда делал «моцион» — гулял по нашему большому квадратному двору.

Там у них и произошел разговор, вернее, монолог, потому что говорил главным образом мальчик. Говорил он с отчаянием, понимая, что его желания неосуществимы, и все-таки на что-то надеясь. Он рассказал о детских фантастических планах спасения, на которые не мог пойти он, повзрослевший от горя. Наверное, он плакал, когда говорил, что Муся хочет спрятать его в дворницкой, под новые веники...

И тогда дедушка сказал ему только три слова, о которых Муса потом всю жизнь вспоминал, смеясь и вытирая слезы.

— Лучше в ларь,— сказал дедушка.

ЗАВТРАК ДЛЯ ЯРОСЛАВЫ

К. КОСТИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Молочным рекам кисельные берега вовсе не обязательны. Теперь я в этом убежден. Сталь трубопроводов, дозаторы фасовочных машин — вот что не в малой мере требуется молочным рекам! И еще коробки, в которые раскладывают готовую продукцию. А продукция эта очень нужная. Она, как отметил специалист молочного дела профессор Н. Н. Липатов, решает одну из самых важных проблем — детское питание.

Истринский молочный комбинат. Он был построен и начал выдавать продукцию в октябре 1971 года. На первых порах никто не знал о резервах производства, о его возможностях. О человеческих в первую очередь. Потому что только-только начинал формироваться коллектив, мало знали друг друга. Но вот как рассудили на комбинате: год 1972-й переломный! Как будет поставлено дело с первых его дней, так и пойдет дальше. И вот — победа. В конце 1975 года коллективу была вручена Почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР за достигнутые успехи в увеличении производства высококачественных продуктов.

Побывавший на комбинате французский специалист профессор Луи Рей сказал: «Несомненно, в будущем этот завод покажет, какое внимание должно уделяться проблеме детского питания во всем мире».

— В этом отзыве почти все правильно,— замечает директор предприятия Ванда Илларионовна Молотова.— Я говорю «почти» по соображениям принципиального характера. Почему в будущем? Сейчас! Во всем мире педиатры и физиологи отмечают надобность для малышек дополнительного питания. Подкармливали прежде обычным молоком. Но только материнское молоко — полноценное питание для новорожденного. И вот наша продукция максимально приближена к этому «эталону». Специалисты утверждают: смесями «Малыш» и «Малютка» можно полностью удовлетворить все потребности ребенка в питании. Полностью! Это следует подчеркнуть особо.

Накормить крохотного человечка труднее, чем разборчивого гурмана. Разносолы не предложишь, «что-нибудь повкуснее» — тоже. Да и поди узнай у малыша, вкусно ли! Специалисты отмечают: большинству юных едоков продукция нравится. Но куда существеннее иное: она полезна!

Продукция комбината «Малютка» и «Малыш» широко известна, смеси охотно покупают. Комбинат — высокорентабельное предприятие, доходы миллионные. Но при активном участии ученых сотрудники предприятия уже разработали новый волшебный молочный продукт — «виталакт». Как только узнали о нем медики, тотчас попросили: выпускайте больше. Это специальная еда для перенесших сложные операции.

Идет дальнейшая разработка рецептур. Заседания «молочных» кафедр институтов нередко проходят прямо на комбинате. Рядом с главным корпусом — лабораторный «цех науки»... Гулкие переходы главного здания комбината. Открываем дверь — застекленная тишина. Электронная схема, пульт. И оператор, диктующий что-то в микрофон.

Гигантский завод почти безлюден. Специалисты — у пульта управления, и все. Рядом с одним из рабочих столов я увидел устройство, которое может ответить на любой вопрос. Нажмешь клавишу и тотчас узнаешь, сколько молока находится сейчас в том или ином хранилище, каковы его температура, жирность.

Беседую с заведующей лабораторией Ларисой Алексеевной Бахтияровой, спрашиваю, что может быть интересного в общении с автоматами. Лариса отвечает:

— Все интересно! Главное, они помогают выдерживать высокое качество изделия.

В московских магазинах коробки «Малыш» и «Малютка» всегда на прилавках, но вот я перебираю почту комбината и нахожу письма-просьбы: пришлите хотя бы два-три пакета.

— Как реагируете на письма?

— Они регистрируются,— ответили в отделе сбыта,— и тотчас передаются посылочной базе. У нас договоренность — в первую очередь выполнять такие заказы от мам и бабушек. Но случается, что и молодые отцы пишут.

На заводе-автомате работать трудно потому, что все, казалось бы, делают машины. Роль человека пассивна и вроде бы неинтересна. Вот тут-то и проявляется человеческий характер! Нет однозначного ответа на вопрос, из чего складывается успех коллектива. Профессионализм? Само собой. Современное оборудование? Не в последнюю очередь. Но без человека мертвы и автоматы и продуманная до мелочей технологическая связь: молочная ферма — комбинат — магазин. И операторы консервного цеха Людмила Николаевна Степанова, и Ангелина Ивановна Ступина, и Виктор Федорович Ремизов, и Борис Борисович Свердлов, Галина Ивановна Устинова и другие операторы — они всегда в активном поиске.

Перелистал десятки справочников, просмотрел кулинарные рецепты и нигде не нашел намека на продукцию, подобную истринской. Даже И. П. Павлов, великий Павлов, назвавший молоко лучшим природным продуктом, очевидно, не предполагал, что оно станет сырьем для создания современного замечательного продукта питания...

●

Вот он, Истринский комбинат.

Средний возраст работников комбината — менее тридцати.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

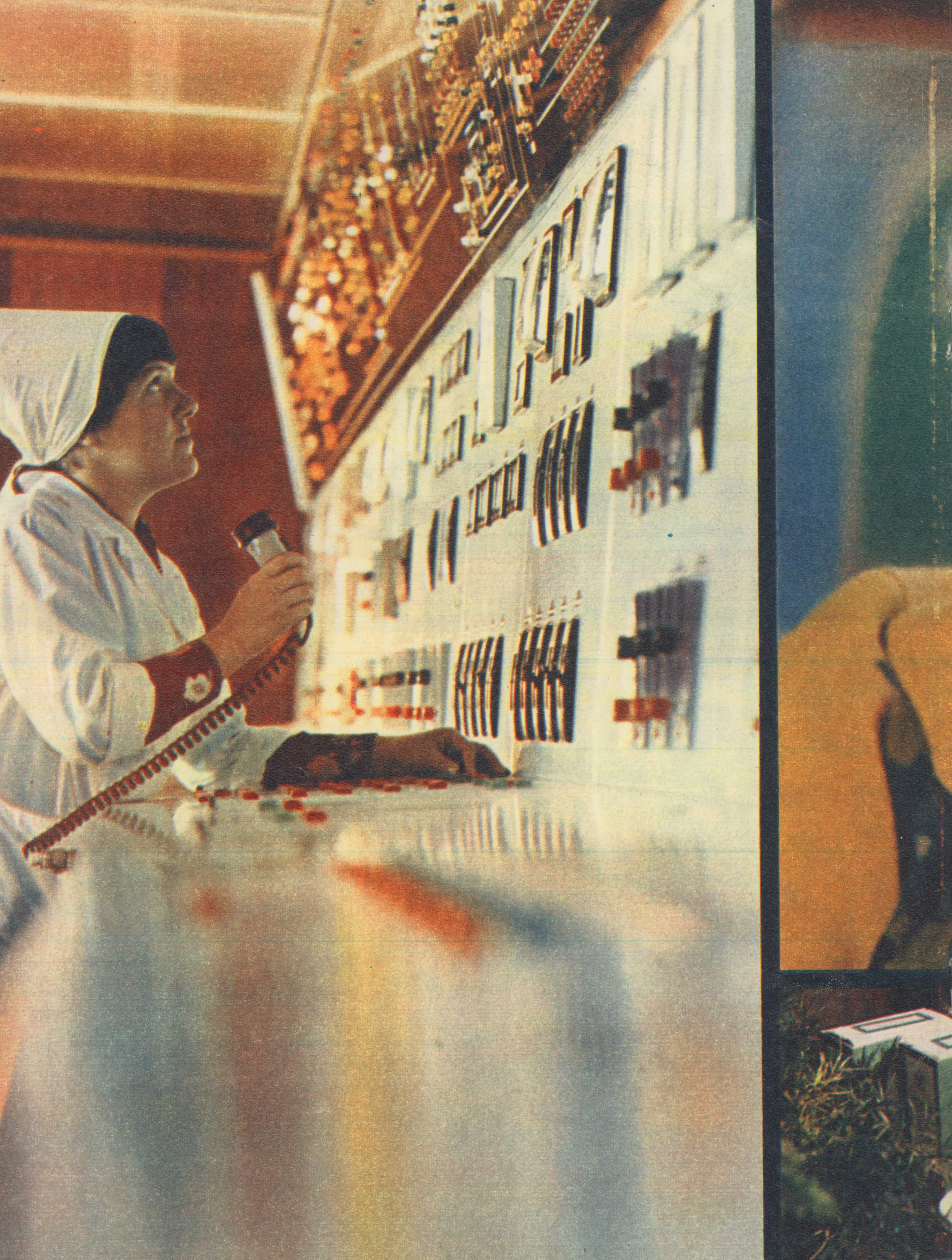
У центрального пульта — оператор Л. И. Лисицына.

Ярославна Протопопова после завтрака.

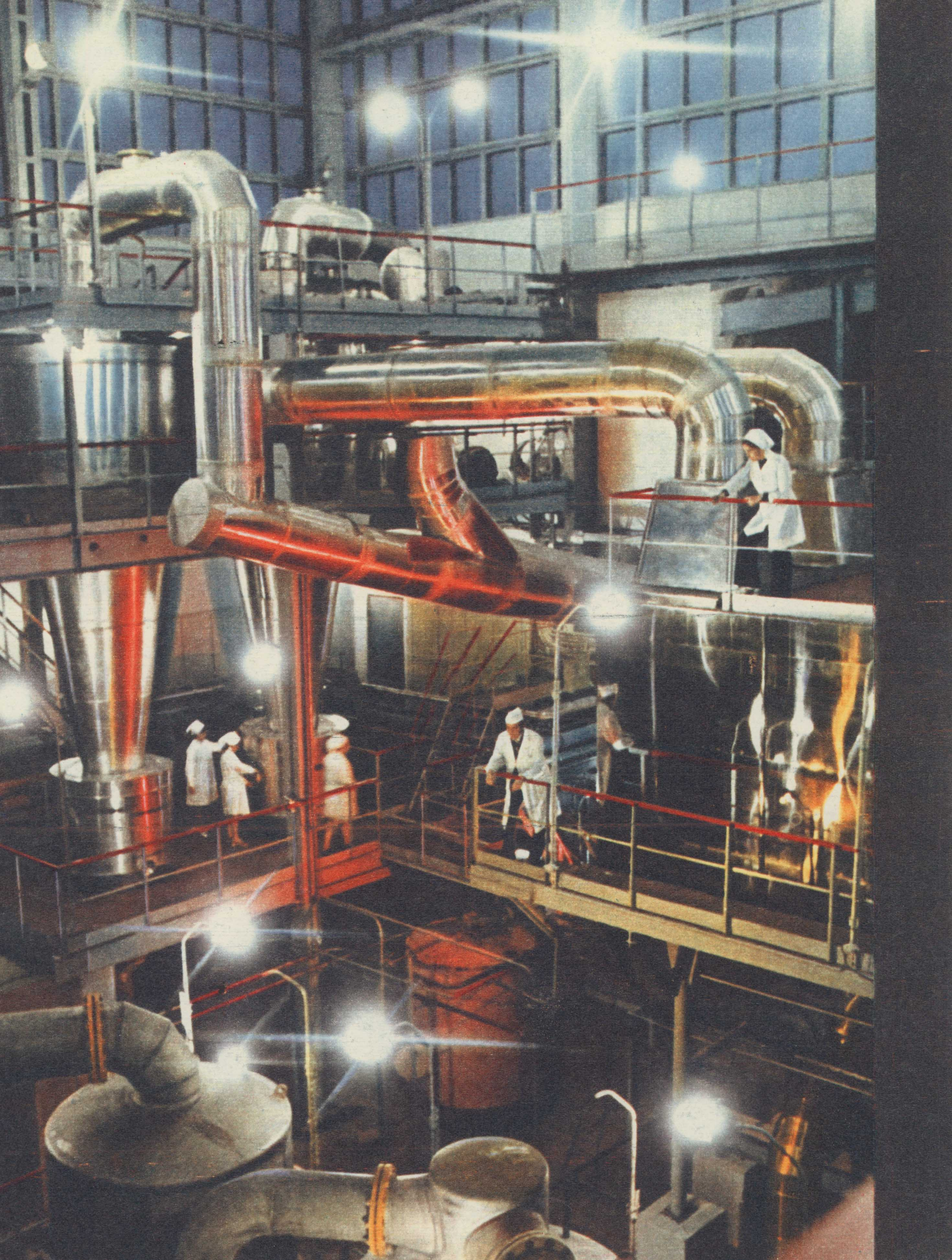
«Малыш», «Малютка» и другие...

Дегустация.

МОЛОК
Малютка

ЗЕМЛЯ МОЯ БУРЯТИЯ

Я приехал в Бурятию сухой поздней осенью. Меня поразила эта республика, щедро одаренная голубым простором, жгучим солнцем, особым ароматом степных трав и тайги.

...Лежит земля, от солнца
золотая,
А ты скачи, скачи во весь опор,
На острую луку седла мотая
Простор степей
И времени простор!

Эти строки написал Дамба Жалсараев, поэт и общественный деятель Бурятии, певец родных степей, в чьих стихах раскрывается душа этого прекрасного края и его народа.

Недавно отметивший свой пятидесятилетний юбилей Д. Жалсараев пришел в литературу в 1950 году с книгой «Слово о правде». С каждым новым сборником он постепенно преодолевал однотонность и некоторую заданность образа лирического героя, освобождался от описательности.

Лирический герой Д. Жалсараева действен, он принимает активное участие в судьбах людей, решает насущные вопросы современности. Поэт проникает в глубину народной жизни, широко использует в своем творчестве богатейшие фольклорные традиции, он много и ярко пишет о пути своей Родины от прошлого к ее новому дню.

Творчество Дамбы Жалсараева подтверждает мысль, что истинная поэзия там, где национальное становится общечеловеческим. Появление интернациональных мотивов в его стихах — явление примечательное, ступень роста, ступень зрелости.

...И теперь через тысячи километров до меня доносится проникновенное напутствие поэта и друга:

Окурю на прощанье
Тебя я травою степной
И байкальской водой окроплю —
В путь-дорогу спеши ты!
И земля моя станет
Тебе с того часа родной —
Дом и сердце бурята
Для брата навеки открыты!

В. СИНИЦЫН

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Е. МОРДИНОВА

ПОЛВЕКА В ЛИТЕРАТУРЕ

Человеческая и писательская судьба Николая Егоровича Мординова, одного из зачинателей якутской советской литературы, неразрывно связана с судьбой якутского народа, шагнувшего за годы Советской власти от патриархально-феодальной отсталости к зрелому социализму.

Н. Е. Мординов родился в Нижне-Амгинском наслеге Ботурусского улуса. Место это — колыбель знаменитых якутских сказителей; здесь же жили и работали видные представители русской политссылки, изучавшие фольклор, материальную и духовную культуру якутов (в их числе будущий академик Э. К. Пекарский, автор «Словаря якутского языка»).

Уже первый сборник рассказов Н. Мординова, «Нож не режет рукоятку», стал заметным явлением в национальной прозе. Такие произведения этой книги, как «Тайна юрты» и «Сенокосчики», стали хрестоматийными. Они снискали любовь читателей не только убеждающей яркостью реалистических деталей, но, главное, зоркостью рассказчика к явлениям нравственно-психологического обновления народа в процессе строительства социализма.

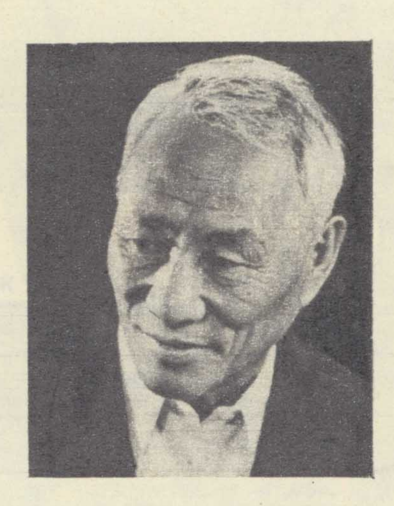
Ко времени начала Великой Отечественной войны Н. Мординов подошел уже сложившимся писателем — автором многих стихов, пьес, рассказов и повестей. В тяжелые военные годы Николай Мординов создает роман «Весенняя пора» — произведение, этапное не только для творчества этого мастера, но и для всей якутской литературы. Более того, эпический размах, глубина идейно-нравственных обобщений, проблемность делают роман Н. Мординова произведением, характерным для многих младописьменных советских литератур, в которых шел процесс становления крупных жанров прозы.

Пропагандист русской и мировой классики Н. Мординов перевел на родной язык «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Анну Каренину» Л. Н. Толстого, сибирские рассказы В. Г. Короленко, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, пьесу Н. Погодина «Человек с ружьем», «Радугу» В. Василевской. Он активно выступает в жанрах публицистики и критики, его статьи и речи недавно изданы отдельной книгой.

Широко известна в республике многогранная общественная деятельность народного писателя Якутской АССР Н. Е. Мординова. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР, Верховных Советов РСФСР и ЯАССР.

Г. ОКОРОКОВ

Якутск

ТЕАТРЫ — XXV СЪЕЗДУ КПСС

ОБРАЗ ЕДИНОЙ ВОЛИ

Десятиклассники готовились к экзаменам... Анатолий Попов писал в сочинении: «Советский народ знает цену свободы, завоеванной кровью в 1917 году, и предпочитает умереть стоя, чем жить на коленях. Такова воля моего народа, и такова моя воля. Когда нужно будет принести себя в жертву Родине, я, не задумываясь, отдам свою жизнь».

Еще никто — ни А. Попов, ни его будущие друзья-молодогвардейцы не знали, что их ждет беспощадная борьба с врагом, лютая смерть и бессмертие. Фотокопию сочинения Толи Попова нам с композитором Ю. С. Мейтусом показали в музее харьковской школы имени «Молодой гвардии». Здесь бережно хранят память о юных героях — их фотографии, документы; собирают все, что написали о них писатели, художники, композиторы. Здесь же под стеклом лежали арии из оперы Ю. Мейтуса «Молодая гвардия»; вечером мы слушали ее в Харьковском государственном академическом театре оперы и балета имени Н. В. Лысенко.

Много и интересно работали над новым спектаклем режиссер В. Лукашов, дирижер А. Калабухин, художник Л. Братченко. Сцена обрамлена монументальными знаменами, на фоне терриконов степь с угадывающейся дорогой. По ней к переправе тянутся беженцы, отступают солдаты. В финале она станет дорогой бессмертия.

Не хронику событий, а дух подвига стремились передать авторы спектакля, убедить зрителя, заставить его вместе с героями пережить спрессованные, напряженные мгновения жизни — такая задача стояла и перед молодыми артистами. Каждый из них вложил в ее решение всю силу таланта.

Харьковским зрителям хорошо знакома Л. Сергиенко, заслуженная артистка УССР, лауреат международных конкурсов. Ее Любка Шевцова естественна, искренна. Великолепное драматическое сопрано молодой певицы передает самые сокровенные душевные порывы героини. Очень интересен в талантливом воплощении И. Яценко и образ Ули Громовой, запоминаются А. Шуляк (Кошевой), В. Беспалов (Земнухов), Е. Жариков (Тюленин)... Они сумели создать яркие, неповторимые характеры. Веселые, застенчивые, строгие, отчаянные — молодогвардейцы все разные, но общая ненависть, общая клятва сплавляют их волю в единую, несгибаемую...

— Наверное, можно понять, почему я так волновался, начав работу над оперой Ю. Мейтуса,— рассказывает дирижер А. Калабухин.— Мы с режиссером В. Лукашовым уже ставили «Молодую гвардию» — в оперной студии Харьковской консерватории, новая же постановка стала для всех нас трудным экзаменом, и мы благодарны за помощь Юлию Сергеевичу Мейтусу. Мы рады, что наша талантливая молодежь сумела создать интересные сценические образы героев-молодогвардейцев.

В. ВАРЖАПЕТЯН

◀ Лабораторный корпус — «цех науки» комбината.

Артисты Л. Тоом, С. Вараксин и В. Володин в спектакле «Любовь необъяснимая».

Фото Б. Кравеца

театр

ЛЮБОВЬ ОБЪЯСНИМАЯ

Он был уверен в себе, Атанас Желев, молодой «многообещающий» полицейский образца 1944 года, присланный из Софии в небольшой город с заданием обнаружить руководителей антифашистского подполья. Довольно-таки хитрым путем вкравшись в доверие одного из связных, он вышел еще на несколько человек, и хотя эта ниточка скоро оборвалась из-за излишнего усердия агентов, Желев в общем-то был спокоен. Самое трудное, на его взгляд, сделано. Уж теперь-то связные расскажут все. О, разумеется, он не будет их пытать. «Они же люди!» — восклицает он, довольный своим человеколюбием, интеллигентностью, проницательностью. Он сумеет, обязательно сумеет воздействовать на слабые струны души каждого из заключенных...

И вот начинается второе действие пьесы... Надо было видеть серьезные, сосредоточенные лица подростков, спешивших после перерыва занять снова места в зрительном зале Театра юного зрителя. Все хотели узнать, что же произойдет дальше с героями нового спектакля «Любовь необъяснимая», поставленного в Москве болгарским режиссером Младеном Киселовым по пьесе Недялко Йорданова.

Мы знаем, как порой бывает трудно актерам, работающим в детских театрах, сосредоточить внимание своей аудитории на сцене, привлечь сердца и мысли ребят к происходящему. Юные зрители — народ беспощадный. Неточность реплики, малейшая фальшь в игре актера, просчет в режиссуре — и в зале возникает шепот, смех, кашель, хлопки, возня...

В этот вечер удивительно тихо было на премьере. И актеры, поначалу как бы прислушивающиеся к реакции зала — ведь спектакль серьезный, «взрослый»,— в какой-то момент поняли: им верят, их слушают, на них смотрят. И, вдохновившись, открылись своим зрителям — щедро, ярко, убедительно.

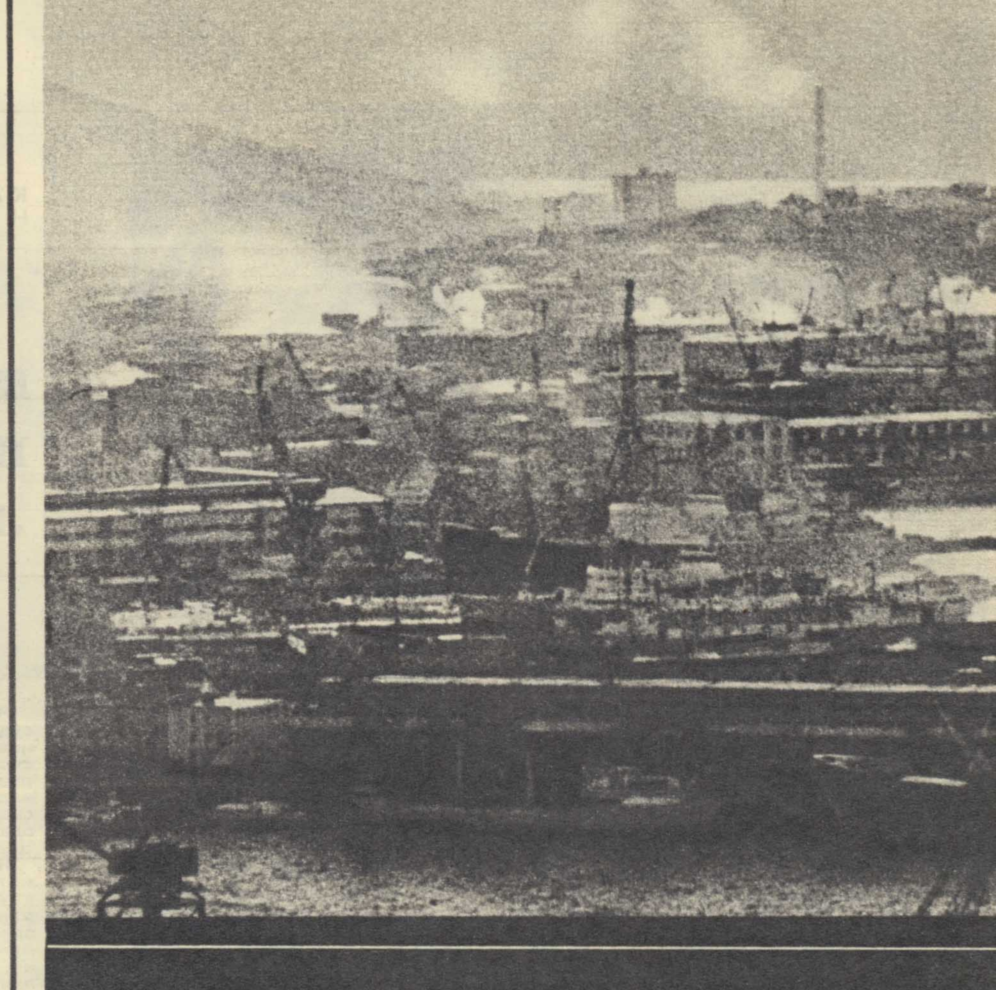
Как же изменились все герои спектакля во втором действии! Куда девался, например, страх, постоянно мучающий адвоката Иванова (эту роль прекрасно играет В. Горелов), когда он очутился в фашистском застенке. Воплощение мужества, непреклонности, он умирает непобежденным. Или связная Димитрица... В исполнении Л. Ахеджаковой эта малограмотная уборщица, приветливая, поженски говорливая, готова задушить Желева, обманувшего ее доверие. А наивный, восторженный парнишка Гошо (С. Вараксин) на наших глазах превращается в яростного, зрелого борца, патриота.

Заметно переменился и сам «экспериментатор» Атанас Желев. Эта роль интересно сыграна В. Володиным. Маска «человеколюбия», эдакой приятельской снисходительности постепенно слетает, и перед нами фашист,— ненавидящий, трясущийся за свою карьеру. И уже не гнушающийся никакими средствами, чтобы заставить говорить последнего из оставшихся в живых связного.

Атанас Желев проиграл. И не понимает, почему. Что может быть дороже жизни у человека? — изумляется он. Для таких, как Желев, это необъяснимо.

Им, ребятам, сидящим в зале, тоже будто не разъясняют этого. Но они поняли...

Н. АЛЕКСЕЕВА

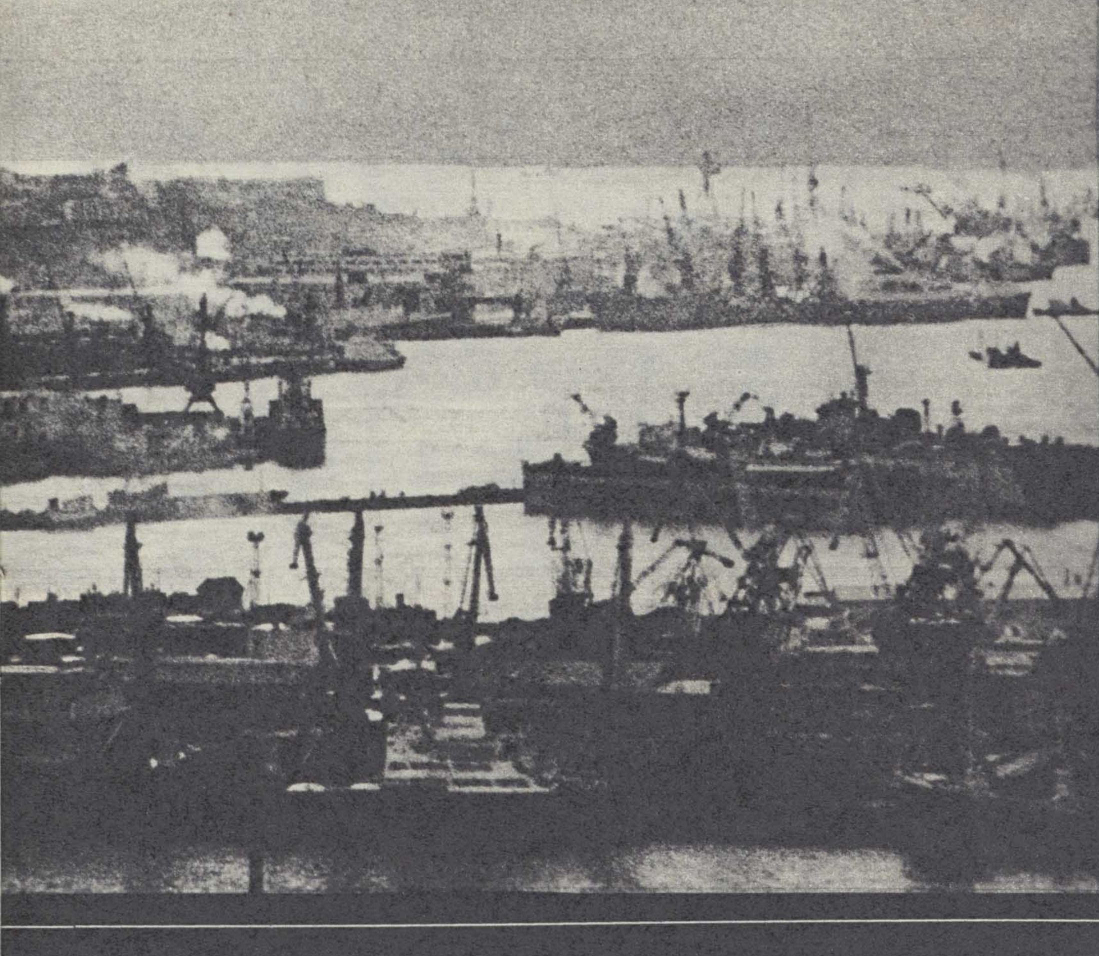
ТВОИ ПОБ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Д. ДИЕВА

Корабли со всей земли стоят на причале в Кольском заливе.

РАТИМЫ, МУРМАНСК

Сначала — стихи, лишь несколько строк:

Тонет Дания —
за кормою.
Тонет Швеция —
за кормою.
И звезда начинает лекцию —
Говорит о любви со мною...

Перечитайте, пожалуйста, эти строки, прислушайтесь к их музыке.

Я взяла стихи из книги «Вселенная рядом». Автор поэтического сборника — капитан дальнего плавания в Арктическом пароходстве Александр Александрович Мазуркин. Он воспевает свой труд, суровую жизнь на море уже много лет.

Поэзия его сдержанна, неподдельна, наполнена тем особым патриотическим чувством, которое, по-моему, свойственно всем, кто живет и работает в Мурманске не по долгу службы, а по велению души.

Наверное, это ощущение и заставляет нас привязаться к городу: только на первый взгляд он кажется таким вот предельно деловым и суровым.

Вообще-то он, конечно, и в самом деле занят работой, этот город-труженик, город-порт, один из самых крупных в стране. Очень точно заметил в свое время Константин Паустовский, что живут в Мурманске «только те, кто может работать».

Справедливое замечание Паустовского относится к 1932 году, когда Мурманск уже обрел свою гордость, свои пролетарские черты. А всего десятью годами раньше Мартин Андерсен Нексе, тайно пробиравшийся в Советский Союз на четвертый конгресс Коминтерна, не обнаружил перед собою, оказавшись в Мурманске, никаких вообще признаков города. Не было даже улиц — только разбросанные без всякого плана деревянные домишки, спускавшиеся кое-как по песчаным уступам к морю, где лежали в заливе разбитые снарядами мертвые корабли — горькие следы, оставленные хозяйничавшими здесь интервентами...

Хорошо зная защитников города, большевиков, Владимир Ильич Ленин руководил борьбой против интервенции. И большевики держались стойко! Среди этих замечательных людей был, например, человек, чьим именем названа теперь одна из улиц нынешнего Мурманска,— Иван Иванович Александров, легендарный герой, о котором интересно рассказывает книга писателей-северян В. Анциферова и К. Полтева «Последняя явка»...

Норвежское судно пришло за апатитовой рудой сорок вторым рейсом, моряки отметят это событие в интерклубе.

Своими подвигами Александров прославился еще в годы первой мировой войны: он храбро воевал, потом после ранения чудом бежал из плена, участвовал в германских революционных событиях 1918 года; по всей вероятности, лично знал вождей немецкого пролетариата — Карла Либкнехта и Розу Люксембург. В 1919 году он через Данию и Норвегию под чужим именем вернулся на родину и возглавил в Мурманске восстание против белогвардейцев и интервентов. За подписью Александрова 21 февраля 1920 года в Москву, в Кремль, на имя Владимира Ильича Ленина пришла торжествующая телеграмма: «Поздравляем пролетарской революцией Мурманске. Власть перешла в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Рыцарь революции, большевик-ленинец И. И. Александров стал первым председателем Мурманского Совдепа. А первым секретарем Мурманской коммунистической организации был Федор Степанович Чумбаров-Лучинский. Он стал большевиком в семнадцатилетнем возрасте; Лучинский — это нелегальная кличка. Он прошел через фронты гражданской войны, сражения тех труднейших, но вдохновенных лет и, кстати сказать, тоже писал стихи...

Свою жизнь Чумбаров отдал за коммунизм при подавлении Кронштадтского мятежа, будучи среди тех делегатов X съезда партии, которые погибли в марте 1921 года за победу дела партии, дела Ленина...

Коммунистам ленинского призыва, рабочим-мурманчанам партийные билеты вручались еще в бревенчатом одноэтажном доме губкома РКП(б). Первые здания из камня, построенные в три этажа, к началу тридцатых годов казались старожилам прямо-таки «небоскребами»! Потом эти «небоскребы» начали бурно расти, образуя улицы, создавая первоначальный облик города. Тридцатые годы вообще знаменуют собою новую эпоху в истории Мурманска. Город уже тогда стал обретать характер, присущий ему и сегодня: простой и чистый, открытый нараспашку, вплотную связанный с морем,— трудовой моряцкий характер. Короче говоря, в главном остается он все таким же, по-прежнему сохраняет свои боевые традиции.

Когда началась Великая Отечественная война, Мурманская область стала как бы правофланговым того огромного фронта, который пролег через всю страну, от Черного до Баренцева моря... В честь героев, не допустивших врага в Советское Заполярье, над городом и портом, над всем Кольским заливом, на самой высокой сопке, которая зовется Зеленым мысом, нынче встал Монумент Славы; безымянному поначалу солдату люди вскоре дали имя: они назвали его, как в Болгарии, Алешей. Быть может, потому, что он и правда во многом похож на Алешу: во-первых, советский, во-вторых, русский, в-третьих, большой, даже огромный: более сорока метров роста в этом мурманском Алеше... В ясную погоду он виден отовсюду — и в городе и в Кольском заливе; виден чуть ли не до самого Североморска...

Стоит солдат, сжимая в руках оружие, напоминая о том, что было, и словно охраняя родную землю... Охраняя от того, что, не дай-то бог, вдруг может случиться...

Да нет, не те дуют ветры сегодня! И хотя на краю нашей земли, в Мурманске, ветры эти порой бывают достаточно злыми,— они как вчера, так и сегодня выдувают напрочь все нестойкое. Оставляют здесь только настоящих, верных людей — таких, о которых американский капитан Аксель Пирсон в дни войны писал, не скрывая изумления: «Что это за люди? Люблю работу, как бы опасна она ни была, они выполняют весело... Мне нравятся русские. Они знают, за что борются».

О них больше можно сказать, об этих людях. Ведь они заставляли делать свое дело, помогали выполнять свой долг даже тем, кто не умел, не мог...

Когда американское судно «Уинстон Сейлем», выброшенное на мель, оказалось беспомощным и покорно ждало гибели (командир судна не решился предпринять меры, необходимые для спасения команды), Иван Дмитриевич Папанин, уполномоченный Государственного Комитета Обороны, прислал на выручку «Уинстону Сейлему» советский пароход «Диксон». И моряки «Диксона» с честью выполнили задание... Случилось это в 1942 году. А в 1943 году «Диксон» погиб, торпедированный гитлеровской подводной лодкой...

К концу войны Мурманск снова был почти полностью уничтожен бесконечными бомбардировками гитлеровских самолетов... Но он держался, продолжал жить. И уже в 1945 году начал снова строиться. Снова начал выявлять присущий ему, теперь уже послевоенный облик, нынешний стиль... В городе много зелени, цветов. Они растут всюду, где только можно их посадить; мурманчане очень о них заботятся.

Город красив. Хотя по-прежнему есть в нем суровость, твердость, сила... Тут, конечно, играет свою роль и Алеша, вставший над городом, и еще один памятник — мурманскому комсомольцу Анатолию Бредову, Герою Советского Союза... С гранатой в руке, порывисто и гордо шагнул в вечность юноша-мурманчанин, не пожелавший сохранить свою жизнь ценой отступления, позора...

Таков Мурманск.

Что же удивляться, что люди, хоть раз побывавшие в Мурманске, уже не забывают его, считают себя побратимами города.

Число побратимов все растет.

— Дух Хельсинки, дух дружбы — это сегодня сама атмосфера всей нашей жизни, — говорит в беседе со мной секретарь Мурманского обкома КПСС Василий Федорович Мосин.

— А это,— продолжает он,— имеет огромное значение для всего Заполярья. Быть может, потому, что наш северный край земли по-прежнему с краю остается... Тут локоть друга, верность побратима обретают цену особую.

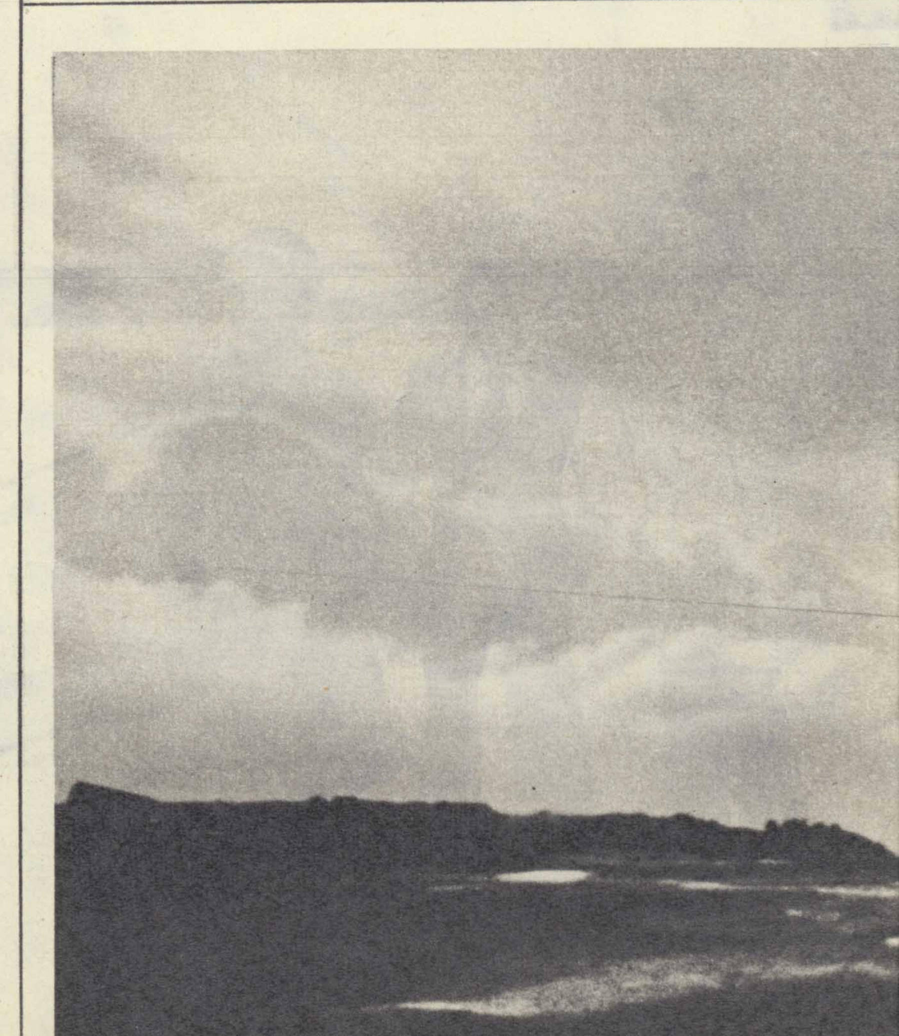
Мурманск дышит героикой, обеспечивающей искренность человеческих связей, прочность дружбы естественно и непринужденно...

Начав разговор об этом городе стихами, я хочу и в конце привести строфу из баллады еще одного поэта-мурманчанина Александра Чуркина, посвященной его землякам, его родному Мурманску:

Беда ли над Родиной снова,
Придет ли тревожная весть —
И он по партийному зову
Всегда откликается: «Есть!»...

Так выглядит город сегодня...

Театр кукол встретил гостей с исландского судна «Лагарфосс».

Разнообразными делами интерклуба управляет Галина Павловна Голивнина.

В баре интерклуба Светлана Хохленкова, Светлана Соболева, Галина Шаманская и директор краеведческого музея Елена Сергеевна Павлова принимают норвежцев.

Гости из Исландии осматривают детский сад.

Самая высокая сопка — пьедестал памятника воину. Здесь его зовут мурманским Алешей...

Георгий **БЕРЕЗКО**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

ВТОРАЯ ГЛАВА

1

К Сведомскому негромко постучали. И после досадливого: «Кто там? Входите» — прошло еще какое-то время, прежде чем створки дверей медленно разошлись и тучная женщина в синем костюме, с кружевным платочком в верхнем карманчике, с высокой, туго скрученной седой башенкой на голове — директор гостиницы — вступила в номер; молоденькая, вся бело-розовая горничная в накрахмаленном кокошнике, в переднике следовала сзади.

Сведомский неохотно поднялся с кушетки.

— Чем могу?..

— С приездом, Евгений Александрович! — торжественно, но с оттенком интимности, как поздравляют с днем рождения, проговорила женщина.

Видимо, она готовилась к этому посещению: ее увядшие, в мелких морщинках губы малиново блестели от помады, а ноготки толстеньких пальцев покрывал свежий перламутровый лак.

— Как чувствуете себя на старом месте? — осведомилась она, подчеркивая «на старом».

— Спасибо, превосходно,— сухо ответил Сведомский.

И женщина не без лукавства, тихонько засмеялась: она словно бы собралась сделать Сведомскому подарок.

— Мы все, весь коллектив нашей гостиницы беспокоимся, чтобы вы чувствовали себя, как дома.

— Это вам вполне удалось.— Он не изменил тона.

— А цветы мы обязательно заменим. Какие вам больше по вкусу, Евгений Александрович?

— Никакие. Не люблю цветов,— сказал он.— Никогда не знал, что с ними делать... А на следующий день они вянут и превращаются в мусор.

Считая разговор законченным, он склонил заученным движением, как на эстраде, в полупоклоне голову. Но его маленькая речь о цветах привела женщину-директора в восторженный ужас.

— О!.. Что вы?! Это слишком жестоко! Хотя вам мы все прощаем... Лида, уберите корзину!

Не в силах больше таиться, она заговорила так, точно признавалась в любви:

— А я вас моментально узнала, Евгений Александрович! Вы только вошли в холл, и я чуть не вскрикнула...

Сведомский нахмурился:

— Мне жаль, но я не припоминаю...

— Запамятовали — ничего удивительного... Вы живете большой, яркой жизнью, вы весь в искусстве, а мы провинциалы... Правда, я ежегодно бываю в Москве, у меня сын в Москве. Не встречались с ним? Не случалось?

— По-видимому, не имел чести.

— Севостьянов он, Иван Севостьянович, член-корреспондент, лауреат... А я в тот год как раз в положении была, зимой и родила Ваню,— душевно веселилась женщина.— Лида, ну что же вы?

Горничная неотрывно, с недоверием рассматривала Сведомского, как нечто не вполне реальное.

— Совсем можно забирать? — переспросила она.

— Поставите их у меня в кабинете.

— Такие чу́дные! — буркнула горничная, неся к выходу корзину с гортензиями.

— Ах, дорогой Евгений Александрович! — И любуясь и сокрушаясь, женщина-директор вздохнула.— А мамы моей уже нету... Десять лет как похоронили, а я и сейчас плачу... Она вас частенько вспоминала. И так радовалась, так радовалась, когда мы прочли про ваши успехи!

— Ваша мама? — Сведомский пригляделся, что-то забрезжило в его памяти.

— «Быстры, как волны, все дни нашей жизни»,— опечалилась женщина.— Берегите себя, Евгений Александрович, берегите для всех нас!

— Постойте... ваша мама...— Сведомский ощутил как бы легкое удушье.— Неужто ваша мама... погодите, погодите!.. Павла Дмитриевна? А вы... да неужто? Вы Аня, та самая?!

— Я Аня, та самая! — Женщина словно бы преподнесла ему наконец свой подарок.— А Павла Дмитриевна — моя мама. Вспомнили?

Сведомский молча закивал.

— И то время вспомнили? Как мы все здесь...

— И то время... Ну, я рад,— с почти заметным затруднением проговорил Сведомский.— Здравствуйте, Аня! Вот уж чего я не ожидал! А вы, оказывается, здесь начальство.

— Я по коммунальному хозяйству долго работала... Ах, Евгений Александрович, когда начинаешь вспоминать — хочется плакать! Вы, конечно, и товарища Снегиря помните и всех... Какие это были люди!

— Снегирь?..— что-то неуловимо изменилось в лице Сведомского.— Да, да, интересный был человек. Помню, конечно!

— Это он всех спас тогда, он! Я точно знаю — Снегирь, никто другой. Может, я одна теперь и знаю.

— Да... вот как?!

Сведомский заставил себя улыбнуться — расспрашивать дальше ему не хотелось.

— Вот как, Аня! Или уже Анна... Анна?..

— Анна Тимофеевна,— закончила она.

Он подвинул ей кресло, но она лишь положила на спинку руки.

— Диомидов еще сидел с нами — помните, важный такой? — сказала она.— Камушкин — тот стихи очень любил... Еще матрос Махов, самый удалой... Еще Полупанов — борец, помните?

— Ну, как же... Но, знаете, Аня... Анна Тимофеевна, столько всего было потом!..— Сведомский словно бы стал оправдываться.— А наша память — несовершенная штука, дырявый мешок.

— Девушка еще была, Поленька, симпатичная такая, живая...

Анна Тимофеевна кончиками пальцев с перламутровыми, как ракушки, ноготками смахнула слезы, набухшие в уголках глаз.

— Полю — да, помню,— отчетливо выговорил Сведомский.

— Хорошенькая была и совсем еще девочка.

Сведомский сделал странный жест рукой, выбросив ее вперед, и тут же опустил голову.

Анна Тимофеевна спохватилась:

— Устали с дороги, Евгений Александрович! Ну, конечно, устали. А я со своими ахами и охами...

— Да нет, ничего,— сказал он.

— Отдыхайте, отдыхайте, Евгений Александрович! Мы еще поговорим, отведем душу...— Она маленькими шажками отступала к дверям.— Ах, если бы мама была живая!

Сведомский сдержанно склонил голову.

— Добрых вам сновидений! — Анна Тимофеевна без стука притворила снаружи двери.

Минуту Сведомский к чему-то прислушивался, оставшись у стола, потом словно бы пожаловался:

— Этот дом населен призраками.

2

Колоколов, превысив, как видно, «для куража» свою норму, забыл постучаться. И Сведомский увидел его, когда он уже стоял в номере.

— Кто вы? Что еще?

Сведомский рывком вскинулся с кушетки.

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

Колоколов вытянулся «смирно», и его сухое, темное, усатое, с запавшими щеками лицо сделалось невыразительно-непроницаемым.

Набрав в легкие воздуха, он во весь голос отчеканил:

— Разрешите войти, Евгений Александрович?

— А вы вошли уже,— ворчливо сказал Сведомский.

— Виноват. Рассеянность.

— Ну, уж раз вошли... Что вам будет угодно?

Колоколов был пьян не настолько, чтобы не владеть собой, но достаточно, чтобы обрести свободу в обращении, даже некоторую развязность.

— Разрешите представиться, так как вижу, вы меня решительно не узнаете Колоколов, полковник в отставке.— Он откозырял левой рукой.— Не усидел дома, услышав, что вы благополучно приземлились — по радио было оповещение. А город уже целую неделю весь оклеен вашими афишами.

— Колоколов,— повторил Сведомский.— Очень приятно, но вы уж простите...

— Так точно — Колоколов, Николай Николаевич! А встречались мы тому сорок с лишним лет назад, здесь, в «Пальмире», в тревожное время.

— Еще один призрак... Парад призраков,— про себя, хотя и довольно внятно, проговорил Сведомский.

На этот раз он даже не слишком удивился: ничто не могло уже удивить его в этот как бы нереальный вечер. Покончив только что с тем, что было главным в его жизни, он и к себе относился сейчас почти как к призраку. И полным какого-то таинственного значения казалось Сведомскому то, что этот конец наступил именно здесь, в старой «Пальмире».

— Вы не тот ли белый офицер, что меня тогда чуть не застрелил?..— внешне спокойно проговорил он.— Кажется, я вас все-таки узнал.

— Так точно,— отчеканил Колоколов.— Едва не выпалил в вас сгоряча.

— Ну, что же, здравствуйте! — Сведомский отрывисто хохотнул — ситуация представилась ему пусть невеселой, но занятной.— Как же вы сами уцелели?.. После всего, что было.

— Это не столь существенно. Встает другой, более важный вопрос.— Колоколов сделал шаг вперед, снял фуражку и другим тоном негромко поинтересовался: — А что, собственно, было?

— Ну, знаете!..— Сведомский отступил на шаг.— Почему бы вам не задать этот вопрос себе?

— Я задаю его все сорок лет,— сказал Колоколов,— и безуспешно, ответа не получаю.

— Не получаете?

— Никак нет. Вы позволите мне сесть, Евгений Александрович?

— Прошу, пожалуйста.

Колоколов сел, как на официальном приеме, не откидываясь, и положил фуражку на колени. Некоторое время он словно бы раздумывал, с чего начать.

— Были четыре войны и два тяжелых ранения, был обычный массовый кросс моего поколения,— доложил он,— но вопрос, что же

именно произошло на старте жизни, выражаясь образно, стоит передо мной и сегодня, на финише.

— Потеря памяти, амнезия? — Сведомский уселся напротив, закинул ногу на ногу.

— Точнее — потеря ориентировки, блуждаю в потемках.

— Как же так? Вам — герою той ужасной... той Варфоломеевской ночи все доподлинно должно быть известно, в подробностях,— сказал Сведомский.

— Только до определенного момента — дальше туман и догадки... Я и в столицу собирался, чтобы от вас, Евгений Александрович, получить разъяснение. А тут вы сами пожаловали: на ловца и зверь.

— Вы ловец, а я зверь.— Сведомский опять коротко засмеялся.— А может быть, мы оба ловцы, ловцы теней.

— Никак нет: тени остаются с нами. Скажу больше, тени преследуют нас...— с убежденностью сказал Колоколов.

И разговор словно зашел в тупик, наступило довольно продолжительное молчание, вернее, начался мысленный разговор:

«Что тебе нужно от меня?» — спрашивал Сведомский.

«Сможешь ли ты мне помочь? Что ты помнишь? Что знаешь?» — думал Колоколов...

Они встречались взглядами и тут же отводили их; первым, не выдержав этого безмолвного диалога, Сведомский изменил тему:

— «Идет ветер к югу и переходит к северу... и возвращается ветер на круги своя»,— проговорил он,— и мы с вами опять в «Пальмире», в том же номере. Печально, что нас на этой встрече только двое...

— А это как знать? Возможно, вы заблуждаетесь насчет отсутствия других,— сказал Колоколов.

— Кто-то еще здесь? О боже! — Сведомский невольно бросил взгляд по сторонам.— Где, кто?

— Все, кого мы помним,— значительно проговорил Колоколов.— Именно так: все, кого помним!

Он вытащил из кармана кителя помятую пачку папирос.

— Вы позволите? Может быть, закурите? У меня общедоступные — «Беломор».

— Спасибо. Запрещено под угрозой инфаркта.

— Весьма благоразумно. Одобряю.

Привычно действуя одной левой рукой, он вставил папиросу в рот, достал зажигалку. И крохотное пламя озарило на мгновение его сухое, в морщинах, как в трещинках, лицо.

— Я наблюдаю оригинальное явление: в старости мы часто забываем то, что произошло лишь вчера, но все лучше помним давно прошедшее.

Эту не очень новую мысль он высказал с глубокой серьезностью, как вывод из важного для него личного опыта.

— Парадокс возраста! И тут уж нам нет пощады: мы вновь переживаем свои ошибки, не имея возможности их исправить.

— Вы говорите загадками... Что вы имеете в виду? — с безотчетной резкостью отозвался Сведомский.— Какие ошибки?

— Те, что с каждым прожитым годом вспоминаются все чаще.

— Да, вам действительно нелегко... с грузом вашего прошлого,— сказал Сведомский.— Кажется, я начинаю вас понимать.

— Тем лучше... Но возможно, кто-то еще должен разделить со мной этот груз. Необходима ясность — это все, чего я добиваюсь.— Колоколов глубоко затянулся, выпустил дым, и из серой мглы, которой он окутался, прозвучало: — Я должен знать, как совершилось преступление.

— Но разве не все достаточно выяснено? Было предательство, мятеж, белый террор... То, что творилось, было одним огромным преступлением. И разве не все преступники были тогда же названы? — неожиданно для себя разгорячился Сведомский.

— Все ли? Вот этого я не знаю... Поверите ли, Евгений Александрович, бывают минуты, когда я перестаю верить себе самому, своей памяти. Я вновь и вновь перебираю события тех дней и каждый раз оказываюсь, как перед глухой стеной. Если я виновен, я хочу знать, где и в чем?.. И я осмелился побеспокоить вас...

— Наваждение какое-то, мир теней,— забывшись, пробормотал Сведомский.

— Что вы сказали? — спросил Колоколов.

— Да нет, ничего... Я весь — внимание.

— Весьма признателен. Есть, Евгений Александрович, преступления, для которых не существует срока давности. И я намерен раскрыть одно из них.

— Вы многого хотите. Преступления иногда совершаются незаметно для преступника, а бывает — и для самой жертвы. Это любимая тема художественной литературы...

Странное и как будто ничем не обоснованное желание задобрить этого позднего гостя, увести его в сторону, отвлечь возникло у Сведомского.

— А что, если мы с вами...— Он попытался взять другой, даже несколько игривый тон.— Простите, ваше имя-отчество? Я запамятовал — склероз...

— Николай Николаевич — к вашим услугам.

— Что, Николай Николаевич, если мы с вами выпьем? Давно уже я пью только фруктовые соки. Но это наше свидание, эта «Пальмира»! — Сведомский нажал кнопку звонка.— И удовлетворите мое любопытство: откуда вы? Кто вы теперь? Что делаете?

— Выращиваю гладиолусы, как и полагается полковнику в отставке.

— Вы служили в армии, в советской?

— Удивлены? Не смею оскорбиться, поскольку в ночь, когда мы познакомились, я был белогвардейской контрой... Но случаются метаморфозы.

Колоколов не изменил ни своей позы — он словно «аршин проглотил», как говорят в таких случаях,— ни официально-значительной интонации.

— И главнейшая в моей жизни имела место именно в «Пальмире», больше чем сорок лет назад. Я вошел, вернее, ворвался сюда одним человеком, ушел, вернее, ускакал — другим. В Отечественную войну я командовал полком, кончилась война для меня в Кенигсберге, в Пруссии. Осколок мины и ампутация.

Он левой рукой приподнял протез своей правой, с намертво полусогнутыми пальцами в перчатке.

— Искренне сочувствую.

Сведомский вновь позвонил, но в этом уже не было надобности: в номере появилась та же розовощекая, крупная, сероглазая девушка-горничная; от волнения она выглядела неприступно суровой.

— Принесите, милая, нам бутылку коньяка. Или вы предпочитаете что-нибудь другое? — осведомился Сведомский у Колоколова.

— А мне вообще лучше бы воздержаться.— Колоколов хотя и скупо, но улыбнулся.— По дороге к вам я уже воспринял...

— Коньяка и фруктов... Да, и фруктов,— попросил Сведомский,— кофе, пожалуйста, черный.

— Черный — на ночь? — искренне вырвалось у девушки.— Спать потом не будете. И для сердца вредно...— Застеснявшись, она вся заалела.

— Ах, милая, я не знаю ничего, что не вредило бы сердцу.

Сведомский только сейчас обратил на нее внимание и привычно, снизу, с ее полных ножек до кокошника, оглядел.

Услышав про сердце, она опять приняла высокомерный вид.

— В покое сердце жиреет, а в непокое болит.— Сведомский шутил и не шутил.— Вот так, моя милая!

— Как хотите, если здоровье свое не уважаете,— важно сказала девушка и пошла, высоко неся голову.

— Цветущая юность! — серьезно проговорил Колоколов.

— Юность! Боже мой, боже мой! — воскликнул со всей своей тоской Сведомский.— Наша юность!

Колоколов с тою же серьезностью продолжал:

— Когда я вижу цветущую юность, я вспоминаю, что Полина... Я не могу освободиться от этой мысли, что Полина была в такой же поре юности. Она еще и не жила почти — Полина Короленко...

«Ага! Вот оно!.. Началось!» — пронеслось в мыслях Сведомского; он ухватился за подлокотники кресла, как за некую опору, и стиснул их.

— Вы тоже... знали Полю? — раздельно, боясь, что его выдаст голос, спросил он.

— Полина Короленко — подруга детских лет. И более того: числил себя ее женихом, правда, в одних лишь своих мечтаньях,— ровным голосом ответил Колоколов.

— Так это она... про вас...— с паузами заговорил Сведомский.— Поля рассказывала мне... Так это вы и есть?

— Рассказывала? — Колоколов оживился, и все его морщины пришли в движение.— Обо мне рассказывала?

— И довольно много.

— Много — обо мне? — Колоколову захотелось еще раз это услышать.

— О вас...

И Колоколова разом оставило его напряжение. Он почувствовал благодарность к Сведомскому, и, как это бывает у всех прямодушных людей, ему уже казалось, что и Сведомскому важно то, что важно ему.

— У моей матушки, изволите знать, был прекрасный сад — старый, запущенный,— доверчиво пустился он в воспоминания.— Мастерская переплетчика Короленко помещалась во флигельке напротив. И мы, дети, играли в саду, зимой каток устраивали, подросли когда, вместе книжки читали — Виктора Гюго, Толстого... Ну и я был влюблен до умопомрачения. Дела давно минувших дней — прошу простить...

— Ценю ваше доверие,— с неопределенным выражением сказал Сведомский,— все это чрезвычайно интересно.

— Весьма признателен,— искренне поблагодарил Колоколов.— Война оборвала наш невинный роман. Хочу пояснить: я родился и вырос в офицерской семье, прапрадед мой, гусарский ротмистр Колоколов-второй, пал на поле Бородина. И понятная вещь, я не усидел дома, убежал в гимназической шинели на войну, на первую мировую. Из действующей армии я был направлен в юнкерское училище... Полине шел тогда всего семнадцатый год. А далее... далее крушение империи, революция, гражданская война. И лишь после трехлетней разлуки у меня появилась возможность вновь свидеться с предметом моей любви.

— Чрезвычайно... чрезвычайно...— повторял Сведомский.

— Я сознаю, Евгений Александрович, что в данную минуту я произвожу даже комическое впечатление. Но моя повесть не о вечной, простите, любви... Моя повесть о другом и, быть может, не менее существенном. Уже тогда, в юношеском возрасте, я понимал, что многим обязан Полине. Это она — девочка в козловых башмачках — пробудила во мне...— Колоколов покраснел, точнее, еще более потемнел лицом,— пробудила стремление к идеалу, ко всему лучшему, научила сочувствовать бедности, уважать труд — она, Полина Короленко!.. И в данный момент, когда я вплотную подошел к финишу, в ней, в Полине, собралось все то лучшее, что было в моей жизни... Не утомил я вас, Евгений Александрович?

— Внимаю с жадностью,— сказал Сведомский.

— В ту весну девятнадцатого года я чувствовал себя на прямом пути к счастью... По понятиям моего круга, мы с Полиной были не пара: я дворянин, ее родитель — простой ремесленник. И Февральскую революцию я приветствовал еще и по личным мотивам: она уничтожила, казалось, преграду, разделявшую меня и Полину. Вскоре я уже гордо и глупо называл себя социалистом-революционером. А в наш город, в эту «Пальмиру», я буквально ворвался с оружием в руках. Я чувствовал себя рыцарем Роландом, освобождающим прекрасную пленницу.

— Мне вы, честно говоря, запомнились в другом облике,— сказал Сведомский.

— Допускаю — я был еще политически наивен... Но я был счастлив в ту ночь — мальчишка, подпоручик, только нюхнувший пороха. И ослепленный собственным рыцарством! К сожалению, мнимым...

ОТСТУПЛЕНИЕ В ПРОШЛОЕ. КОЛОКОЛОВ.

...Он вбежал в гостиничный номер с револьвером в руке. Шинель была распахнута, офицерская фуражка с кокардой криво сидела на голове. За спиной он слышал выстрелы, топот, частое дыхание своего вестового.

Б. Романычев. Род. 1932. БИМОВСКИЕ ДЕВЧАТА.

И. Степанов. Род. 1934. ВЕСНА СРЕДИ ПОЛЕЙ.

На мгновение он остановился за порогом — перед ним была словно бы огромная темная нора с единственным в ее глубине острым огоньком свечи, потянувшимся к входу.

В этом хрупком свете он различил два женских лица — старое, с обвисшими щечками, и молодое, лоснящееся от слез.

Срывающимся голосом он прокричал:

— Поздравляю, господа! Прошу оставаться на местах... Кто здесь? О, одни дамы!.. Я счастлив поздравить вас, медам! Что...— и он пустил мальчишеского «петуха»,—...что вы здесь?..

— Мы... мы чаек, ваше благородие!.. Чаек кушаем...— послышалось из мрака старческое лепетание.

— Чаек? Какой чаек? — Колоколов даже не сразу понял.— Прошу не волноваться, медам! Кто занимает номер?

— Обыкновенно — постояльцы, ваше благородие!.. А это — дочка моя, Аней звать... В положении она, скоро родит... Может, и вы с нами чайку?.. Окажите такую любезность — тепленький еще, очень приятно...— Старая женщина и сама, как видно, плохо соображала, что лепечет...— С устатку, тепленького!

— Нет уж, увольте, не до чайку...

Колоколов опустил руку с револьвером, стащил фуражку, отер рукавом шинели взмокший лоб.

— А впрочем, почему бы и нет,— повеселев, вдруг сказал он.— В горле сухо, как в Каракумах.

Он обернулся к вестовому:

— Карнаухов, доложи капитану: на этаже спокойно, очищаем номера!

И тут же простодушно похвастался:

— Полный успех, медам! Город в наших руках — могу порадовать. Вся операция не заняла и двух часов... Однако советую в целях вашей безопасности...

Улегшееся было на минуты буйство этой ночи возобновилось: на улице вновь ударили выстрелы, и дробно, как в скачке, зацокали по булыжнику кони.

— Господи, царица небесная, не допусти!..— Старуха закрестилась.— Поди, Анютка, поди ляг, чего вскочила... Тебя это не касается... Помилуй нас, господи!

— Помру я...— слабым голосом сказала дочь — простоволосая, в кофте навыпуск, прикрывавшей тяжелый живот.— Третий переворот за полгода — не могу я больше терпеть. Что же это такое, господин офицер?

— Гражданская война, мадам,— с оттенком галантности ответил Колоколов.

Он подскочил к окну, отодвинул портьеру... Внизу, на площади, в мертво-бледном лунном свете двигалась черная толпа и вливалась в раскрытые двери гостиницы. По обеим сторонам этого человеческого потока гарцевали черные всадники, и льдисто поблескивали их обнаженные клинки.

— Ага! Попались, голубчики!.. Пленных ведут,— объявил женщинам Колоколов.

Так же стремительно он вернулся к столу и плюхнулся с ходу в кресло.

— Это была чертовская ночь, медам! Комбинированный удар с фронта и с тыла. Спасибо эсерам — не подвели... А от чайку не откажусь...

И он повторил полюбившееся ему сравнение:

— В горле, как в Каракумах.

— Сию минутку... Окажите такую любезность...

Оплетенные венами руки старухи дрожали, и чай выплескивался на блюдечко.

— Сахаринчик, вот, берите, сахару мы давно не видели... Ни сахару, ни китайской травки. На ржаных корочках настаиваем. Анютка, кому говорю, поди ляг!

— Плохо мне, опять... Вот посмотрите, мама, разрожусь, не доношу,— словно бы пригрозила матери молодая женщина.

Колоколов залпом осушил чашку едва теплого чая, поставил ее... И вскочил с кресла: в дальнем углу, за белым пятном рояля он разглядел еще кого-то — серую скорчившуюся фигурку.

— А! Кто? — Револьвер вновь мигом очутился в его руке.— Засада! Кто такой?! Буду стрелять... Выходи!

— Я... я тоже...— раздался выкрик из темноты,— я тоже живу в гостинице... Я только зашел...

Серая фигурка, спеша, ударившись коленкой о стул, охнув от боли, выбралась из-за рояля и оказалась тоненьким юношей в клетчатом коротком пиджачке.

— Стой! Не двигаться!..— приказал Колоколов.— Руки вверх! Буду стрелять...

Юноша вскинулся во весь свой небольшой рост, воздел над головой руки. Но Колоколов не отводил револьвера, и он с тоской прокричал:

— Я не могу выше!

Молодая женщина зажмурилась и тоже закричала:

— Ой, мама! Он его убьет... убьет!..

Старуха кинулась из-за стола, приседая и переваливаясь.

— Не стреляйте, ваше благородие! Человек по соседству к нам... чайку попить.— Она протягивала к Колоколову руки, выставив вперед ладони, заслоняясь.— В оркестре он здесь, тапером...

— В каком оркестре? При чем тут оркестр?! Не двигаться! Всем оставаться на местах!

— При ресторане... Сведомский фамилия, на фортепьяне он...

Колоколов обвел взглядом всех троих... И в новом для него приятном чувстве своей власти над этими людьми-обывателями растворились его опасения. Пожалуй, здесь и вправду не было засады.

— Вольно! — скомандовал он юнцу и сунул револьвер в карман шинели.— Обстоятельства вынуждают, господа!..

— Большое вам спасибо, большое спасибо, ваше благородие! — зачастила старуха.— Это свой человек, мирный, мы его знаем... А вы, господин Сведомский, вы бы сыграли что-нибудь их благородию, показались бы.

— Я могу, конечно... Но я... я не преступник, чтобы на меня с револьвером...— вздрагивающим голосом проговорил Сведомский.

— Молчите, господин тапер!.. Сыграйте вот лучше «Дунайские волны» или «Оружием на солнце»...

— Если это доставит удовольствие... господину офицеру.— Голос Сведомского так и не приобрел устойчивости.

Колоколов сел и отвалился на спинку кресла.

— А в самом деле, что-нибудь классическое, мажорное! — Он наслаждался и своей бдительной распорядительностью и своим великодушием.— Чертовская ночь, господа! Подо мной была ранена лошадь, чистокровный орловец Халиф. Жалко до слез — пришлось пристрелить. Юнкер Самсонов убит наповал, на моих глазах. Но мы — в городе! Эсеры ударили вовремя.

— Еще чашечку, ваше благородие! Сухарики берите,— угощала старуха.

— Благодарю! — Колоколов принял вторую чашку.— Мне особенно повезло, господа! Я ведь из этого города, родился тут. Просто чертовски повезло! Тут все наши друзья, моя мама...— И, не удержавшись, переполненный счастьем своей удачливости, как бы своей избранности, он признался:— ...моя невеста. Никто еще не догадывается, что я в городе, представляете себе?! Мы живем на Самарской, дом четыре,— Колоколовы. И я ни к кому еще не успел. Когда подумаю, что завтра всех увижу, мне хочется... Ну, я не знаю — всех расцеловать.— Он искренне, мило засмеялся.— Но где же музыка? Просим!

Шум на площади отдалился, поредела ружейная трескотня. И в номере неуместно, нелепо после всего случившегося зазвучала прелестная, будто игрушечная музыка: Сведомский заиграл «Турецкий марш».

— О, Моцарт! Мама тоже его играет.— Колоколов улыбался от полноты чувств.— Господа, это и есть жизнь! Это называется жить полной жизнью!

— И не говорите, ваше благородие! Живем, как на горячих угольях,— сказала старуха.

— Вы откуда, мадам? — Колоколов был сейчас безгранично добр.— Что привело вас в наш город в это беспокойное время?

— А мы тутошние, с Козьей слободы. Наше дело известное, спокон веков бабы у нас платки вяжут — на артель работаем. Раньше того я, конечно, на Соборной площади жила в кухарках у господина Колесаева, аптекаря. Может, слыхали?

— Позвольте! Вы что же? Вы здешняя? Но каким образом?..

— Здешние мы, здешние,— с достоинством сказала старуха.— Шестой уж десяток доживаю, а чтобы переезжать куда — и в мыслях не было.

— Черт! Чушь какая-то...— Колоколов почувствовал себя обманутым.— Но почему вы здесь, в гостинице?

— Угодило зернышко промеж двух жерновов. Атаманцы — на троицу это было,— атаманцы, разбойники, целую улицу в слободе пожгли со злобы, мимоездом. Нас и определили на временную жизнь — кого сюда, в эту самую, в «Пальмиру», кого по другим домам.

— Кто вас определил? Ерунда какая-то!

— Власть, кто ж еще? Сам председатель товарищ Снегирь дал распоряжение. Мы по закону, батюшка!

— Вот оно как! Снегирь — товарищ!

— Я извиняюсь — путаю все по старости... Но можете поглядеть, ваше благородие! Вся красота, какая была, вся осталась, каждый день уборку делаем. Номер-то, сказывали, губернаторский, в нем одни купцы да князья...

Она не кончила: близко, под самым окном, грянул и раскатился выстрел... И тут же, грохая сапогами, в номер вбежал запыхавшийся вестовой.

— Господин подпоручик, вас к господину капитану! Чересчур матюгаются.

Колоколов помедлил, но поднялся, застегивая шинель. Настроение у него было заметно испорчено.

— Господин капитан в своем амплуа,— бормотнул он.

— Не могу знать, господин подпоручик!

— Как же мне с вами?..— Это относилось к обитателям номера.— Надо вам куда-нибудь переселиться: гостиницу приказано очистить,— сказал Колоколов.— И вообще тут вам будет неудобно.

— Батюшка, куда ж мы середь ночи?!

Старуха молитвенно, ладонь к ладони, сложила свои большие, как у мужчины, руки.

— Анютка в положении...

Стрельба одним скачком вернулась на площадь перед гостиницей. Звякнуло пробитое пулей оконное стекло, посыпались осколки, и почему-то запахло горелым. В номер с площади ворвался грубый голос: «Огонь! По чердаку бей, уйдет!..» И мгновенно настала темнота — ветер из разбитого окна задул свечу, будто накрыл черным колпачком. Темноту прорезал длинный вопль:

— Ма-ма-а!

— Ляг, ляг, Анютка! Ляг, где стоишь! — метнулся ему навстречу старушечий крик.— Царица небесная, заступница!

Колоколов затоптался на месте.

— Карнаухов, свет!

Лучик электрического фонарика пробежал по побелевшим, искаженным резкими тенями лицам, скользнул по стенам, по потолку...

— Господа, сохраняйте спокойствие! — нервно сказал Колоколов.— Собирайтесь! Я при всем желании не могу... И прошу поспешить...

— Мама-а! — задыхалась в крике молодая женщина.

Она сидела на полу, охватив свой выпуклый живот; слезы текли из ее закрытых глаз.

— Плохо-о мне!.. Больно-о!..

И даже Сведомский осмелел и ступил вперед.

— Это негуманно, господин подпоручик! — тонко выкрикнул он. — В городе бой — куда же нам?

Свет перекинулся на него, и он замолк и зажмурился.

Не вытерпел даже вестовой Карнаухов:

— Верно, куда им сейчас, господин подпоручик,— перестреляют, как куропаток. Дозвольте им до утра.

Колоколов озлился: он перепутал на шинели пуговицы, застегиваясь на ощупь, никак не мог с ними разобраться — и яростно чертыхнулся. Надо же было, чтобы в этот необыкновенный вечер ему так некстати попались эта несчастная роженица и эта богомольная старуха с ее холодным чайком.

— Хорошо, хорошо! Оставайтесь пока,— в большой досаде разрешил он,— но утром... утром, чтоб духу вашего... Карнаухов, за мной!

Он круто повернулся, пошел, и в дверях его догнал прерывистый вой:

— По-ми-ра-ю-ю!

Продолжение следует.

ДЖЕК ЛОНДОН

Д. УРНОВ

Рабочий паренек взял и посчитал, сколько всего движений приходится ему делать на фабрике. Получилось — миллион в месяц... Это — из рассказа выдающегося американского писателя-демократа Джека Лондона «Отступник» и — из его собственной жизни. Он начал работать с детских лет, трудился на консервной фабрике и, как человек трудовой, действительно любил все подсчитывать...

Попробуем и мы сделать некоторые подсчеты.

Сорок лет жизни.

Трудовой стаж с десяти лет.

Профессиональный писатель — в двадцать четыре.

Шестнадцать лет литературного труда.

Более сорока книг, среди которых такие, что известны каждому читателю: «Мартин Иден», «Железная пята», «Белый клык», десятки прекрасных рассказов.

Рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни» высоко ценил В. И. Ленин, он ему «понравился чрезвычайно».

Моря, океаны, кругосветные плавания, бескрайние снежные равнины, девственные леса, прииски, бесконечные перегоны на собаках и на лыжах, большие города, кипучая деловая жизнь, множество запоминающихся лиц, целое население, состоящее из моряков, охотников, старателей, писателей, бродяг по доброй, а также недоброй воле,— Джек Лондон не только знает их всех очень близко, но даже, кажется, сам побывал хотя бы немного на месте каждого из них. Когда он все это успел сделать?

«Я родился в рабочей среде. Рано познал я восторженность, власть мечты, стремление к идеалам; и добиться желанной цели — было надеждой моего детства. Меня окружали грубость, темнота, невежество. И смотрел я больше не вокруг, а вверх. Место мое в обществе было на самом дне. Жизнь здесь не обещала ничего, кроме убожества и уродства тела и духа, ибо и тело и дух здесь в равной мере были обречены на голод и муки. Надо мной высилось громадное здание общества, и мне казалось, что выход для меня — это подняться вверх»,— так, уже безо всяких посредников, рассказывал о себе Джек Лондон в статье «Что значит для меня жизнь».

Жизнь будущий писатель брал с боя, проявляя столько воли, выдержки и упорства, что могло бы хватить на несколько человек.

Первый рассказ, вернее, очерк, Джек Лондон опубликовал в семнадцать лет, вложив в него опыт своих ранних странствий. Его произведение было сразу принято и получило премию. Однако прошли годы — долгие шесть лет,— прежде чем удалось ему напечатать второй заметный рассказ — «За тех, кто в пути». Прежде чем появился этот уже чисто лондоновский рассказ, Джек Лондон прожил напряженную жизнь. Вместе с армией безработных шел он на Вашингтон. Отбыл месячное тюремное заключение. Вступил в Социалистическую рабочую партию, участвовал в митингах — еще раз был арестован. Занялся самоподготовкой к поступлению в университет и безо всякого труда сдал экзамены.

Событием в его жизни было знакомство с «Коммунистическим манифестом». Он как бы прочел в этой книге судьбу свою и себе подобных, а также программу действий. В конце жизни Джек Лондон, правда, вышел из Социалистической партии, однако не потому, что перестал верить в идеи революции и социализма. Он не видел вокруг себя людей, способных воплотить эти идеи в жизнь.

В университет Джек Лондон ходил недолго, поехал на Аляску. Из студентов он попал в старатели. Его, как и многих американцев, охватила «золотая лихорадка». Малообоснованный энтузиазм подогревался газетами, которые рассказывали всевозможные были и небылицы о счастливчиках, добывших столько золота, что едва хватило сил привезти его домой. Оборотной стороной этих рассказней оказались надежды, похороненные без счета, немало искалеченных или вовсе загубленных жизней. А неосведомленность и неподготовленность страждущих!.. Они отправлялись на поиски несметных богатств, путая американскую территорию с канадской, а всякий блестящий камешек — со слитком золота.

Джек Лондон вернулся с Аляски без золота, но с рассказами, вошедшими в золотой фонд литературы. Вскоре ему удалось преодолеть на пути к писательству решающий рубеж: в 1900 году вышла первая его книга, «Сын волка».

Но чтобы суметь поведать правду о виденном и пережитом, Джеку Лондону пришлось вести жесточайшую борьбу. Борьбу с рутиной, фальшью, убожеством буржуазного вкуса. Борьбу, из которой выходить победителем ему удавалось лишь самой дорогой ценой. Иногда терпел он поражения, заключая сделку с собственной совестью. О многом, что, пропитанное кровью и потом, само просилось на бумагу, ему так и не удалось рассказать. Но о многом он сказал так мужественно, так честно и так талантливо, что стал классиком не только американской, но и мировой литературы.

Как бы далеко от больших городов ни заносила судьба героев Джека Лондона, они вместе с поклажей несли и свои большие проблемы. Посреди «белого безмолвия» или в бескрайних морских просторах, кроме холода и цинги, их настигали беды, те самые, от которых они бежали. Вместо богатства и счастья находили они гибель, или наступало у них разочарование, даже если щадил мороз или шторм.

Своих героев Джек Лондон подвергал крайней нагрузке, желая выяснить, до какого предела у каждого из них хватит сил оставаться человеком. Иногда даже кажется, будто Джек Лондон торопит развязку, как в «Любви к жизни»: «Он больше не боролся, как борются люди». И в самом деле, человек жив, но разве это человек? Он поставлен на колени, он превратился в подобие зверя. И если он еще движется, то лишь слепой силой инстинкта, той же силой, что живет еще, теплится в полуживом волке, крадущемся за ним по пятам.

«Ха-ха! Он еще посмеется над Биллом. Он останется жив и возьмет мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря. Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье ворона, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости только и остались от Билла? Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмет золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше».

«Будь Билл на его месте...» В этом и секрет, что погиб тот, кто совершил поступок, недостойный человека. Выжил оставшийся человеком до конца.

У писателя есть и другой способ проверки людей — глазами их вольных и невольных спутников — животных. Джек Лондон передает «взгляд природы»: страх дикого зверя перед «странным животным на двух ногах», или ненависть, или же привязанность к нему... Эти рассказы, где животные — равноправные герои, говорят все о том же, постоянно занимавшем его мысли: чего стоит человек, ну, хотя бы на взгляд верного пса?

Конечно, не все написанное Джеком Лондоном одинаково сильно и равноценно, например, рассказ «Как аргонавты в старину», кончающийся исполнением несбыточных райских мечтаний. Но под его последней строкой стоит: Лунная долина, сентябрь, 1916 год. А в ноябре Джека Лондона не стало, и в Лунной долине появился одинокий могильный камень.

К трагической развязке Джека Лондона привели сложные счеты с окружением, издателями и самим собой. В самом деле, со дна вверх был сделан писателем разрез всей системы, были испытаны самые разные формы деятельности и борьбы и — подведен итог. Трагический итог.

Джек Лондон все собирался сам рассказать историю своей жизни, и уже было придумано для такой книги название — «Моряк в седле». Заглавие говорит о намерении рассказать о себе в двойном ключе. И в море ходил, как моряк, и на коне сидел крепко, и вообще все, за что только ни брался, удавалось ему делать по-настоящему, а все-таки в итоге чувствовал он себя «моряком в седле» — не на месте.

Но он нашел это место, нашел свое призвание: книги его живут в числе лучших, что написаны о труде, мужестве и борьбе.

И сегодня миллионы читателей во всем мире, и особенно в нашей стране, с огромным интересом читают и перечитывают произведения выдающегося писателя-реалиста, великого сына американского народа, читают Джека Лондона как современника.

Вячеслав КОСТЫРЯ

ВИД НА ВЕРШИНУ

Когда Сайфутдина Ходиева включили в сборную команду СССР, вес его был 57 килограммов. А выступать ему на чемпионате мира предстояло в весовой категории до 48 килограммов. Именно в этой весовой категории нуждалась команда. На радостях, что он член сборной страны, Сайфутдин не сразу понял, какая трудная задача ему предстоит,— девять килограммов сбросить очень трудно. Но, чтобы попасть в сборную, он преодолел такие две вершины, что новое препятствие казалось ему пустяковым. Выиграть чемпионат страны в Каунасе и международный турнир в Баку было сложнее...

Сайфутдин Ходиев, скромный паренек из узбекского кишлака Янги, Кашкадарьинской области, быстро стал мастером спорта, а выиграв в Баку поединки у своего земляка Мэлса Ана и у монгольского, болгарского и испанского самбистов, занял первое место и был удостоен звания мастера спорта СССР международного класса. Такое не часто бывает. И вот теперь, чтобы закрепиться в сборной, ему надо было перейти в более легкую весовую категорию.

В первые дни Сайфутдин Ходиев был настроен благодушно и любовался вершинами Кавказских гор, под сенью которых расположилась спортивная база сборной. Освещенные солнцем горы напоминали Сайфутдину его родной кишлак и праздничные костры вокруг поляны, где с наступлением темноты и до поздней ночи торжествует излюбленная национальная борьба — кураш. Борются все, от мала до велика. В восемь лет Сайфутдин получил там свой первый приз — детские сапожки на мягкой подошве — «итык», а затем и бекасамовый полосатый халатик с платкомпоясом. Как у настоящего джигита! Но Геннадий Иванович Калеткин, в прошлом многократный чемпион Узбекистана по самбо, а ныне заслуженный тренер СССР, был настроен не столь поэтично.

— А сегодня, дорогой, согласно плану, взберешься вон туда,— кивнул Геннадий Иванович на ближнюю гору.— Прикроешься в три слоя.

В этих словах тренера не было и намека на балагурство. «Прикрыться в три слоя» значило натянуть два шерстяных костюма, а сверху еще и болоньевый комбинезон, «смертельную камеру», как его (уже в шутку!) прозвали спортсмены, сгоняющие вес. Да, в таком наряде с тебя десять потов сойдет, а на завтрак после того ты получишь два диетических яичка, бутерброд и стакан чая.

На учете был каждый грамм, и на занятиях в зале Сайфутдин надевал поверх своего трехслойного костюма еще и самбистскую куртку, но, пожалуй, не было на ковре активней борца, чем он. Сериями подножек, захватов, бросков он ослеплял партнеров. И это после жестокой двадцатидневной диеты.

Конечно, сгонка веса проводилась под строжайшим врачебным контролем, и все шло как надо, но когда до нормы оставалось два килограмма, вес стабилизировался.

— Может, постричься, Геннадий Иванович?—предложил расстроенный Сайфутдин.

— Нет, твоя шевелюра — наш аварийный запас,— сказал Калеткин.— Сам знаешь, золотая медаль всегда висит на волоске. Мы сегодня будем штурмовать вон ту вершину, она потруднее. Надевай пояс! Пойдешь у меня на буксире.

Ничего не замечал Сайфутдин, пока поднимался в гору. Лишь на обратном пути увидел и травку на обочине тропы и цветочки, целый букет принес на спортбазу. Стал на весы—49 килограммов и 200 граммов. Пошел вес на убыль!.. Перед отъездом в Москву у него уже было 48,500. До Улан-Батора и эти 500 граммов сгорели...

Победно закончились первые поединки на чемпионате мира. Но перед финальной схваткой с монгольским борцом, от которой зависела не только чемпионская медаль, но и командное первенство сборной СССР, Сайфутдин, вдруг обнаружил лишних 300 граммов, а это значило, что его просто-напросто не допустят на ковер и монгольский борец станет чемпионом автоматически.

Мысль, что он, Сайфутдин Ходиев, может подвести сборную страны, совершенно лишила его покоя.

До выхода на ковер всего три часа. В тревоге товарищи по сборной. Старший тренер команды Станислав Федорович Ионов распорядился: немедленно в парную!

Время близилось к десяти. Скоро вызов на ковер. Взвешивание. Вес Ходиева — 47 килограммов 800 граммов!..

— Вот так мы перевыполнили план,— улыбчиво сказал мне при недавней встрече Сайфутдин.

— Не боязно было выходить на ковер? — задал я откровенно несамбистский вопрос и потому добавил: — После таких волнений...

— Боялся, — признался Сайфутдин и объяснил: — Как потом встречаться с Геннадием Ивановичем! Если проиграю...

Первые минуты поединка Сайфутдин проигрывал. Монгольский борец повел в счете — два очка. Соперник силен в борьбе лежа. В стойку, скорее в стойку! И вперед! Терять нечего. На пятой минуте счет два — два. До конца минута и сорок секунд. Мгновение, и Ходиев проводит прием из кураша — «ембаш», по-самбистски — «задняя подножка». Плюс четыре очка! Навалившись на упавшего соперника грудью, Ходиев переходит «на удержание». Секунда, две, три... десять! Победа!

В нынешнем году воспитанники Геннадия Ивановича Калеткина покорили еще две спортивные вершины. Команда самбистов из Узбекистана заняла четвертое место на VI Спартакиаде народов СССР. И это после шестнадцатого места на V Спартакиаде! А на недавнем чемпионате мира в Минске Сайфутдин Ходиев и Сабир Курбанов, выступавший в весовой категории 74 килограмма, завоевали золотые медали.

Сабир Курбанов... Крепыш из колхоза «Маданият», Бухарского района. Он начал тоже с кураша. По народным правилам бухарского кураша весовые категории не учитываются, борьба — до победы. Дома парень в мгновение ока валил наземь таких великанов, что о нем пошла слава по республике как о «бухарском танке».

— Учти, Сабирджан, танк — это не только мощь, но и маневренность, тактика,— при первом же знакомстве сказал ему Геннадий Иванович.

Сабир Курбанов и Сайфутдин Ходиев на тренировке. Ведет занятия Геннадий Иванович Калеткин.

Фото В. Тутина.

Через два года Сабир Курбанов завоевал чемпионскую медаль на европейском первенстве в Мадриде. А вскоре чемпион Европы сделал серьезную заявку и на мировое первенство, победив на международном турнире в Улан-Баторе сильнейшего монгольского самбиста Батсуха.

Но впереди была VI Спартакиада народов СССР. Предстояли схватки с титулованными соперниками, которых Курбанов знал по многим турнирам. Нелегкие победы одерживал он, приходилось и проигрывать. Вместе с Калеткиным искали «ключики» к каждому. И вот — финал в Тбилиси. С трудом побежден упорнейший Быченок с Украины, повержены мастер болевых приемов Федоров из Армении, Герасимов из Ленинграда, Окропиридзе из Грузии.

И эта вершина взята! Впереди же — высочайшая: чемпионат мира в Минске! С кем сведет жребий? Конечно, опять Батсух... А кого привезут японцы?

После тренировок и без того могучая спина Сабира стала настоящим домкратом.

— Он же проводит свои приемы вопреки законам физики,— шутит Геннадий Иванович, и в его словах нескрываемая гордость за своего воспитанника.— И это при том, что сам окончил физмат Бухарского пединститута! Учитель. Правда, сейчас, как и Сайфутдин Ходиев, он военнослужащий, но представляете, после демобилизации какая сознательная дисциплина будет на уроках Сабира Курбановича? Как в нашем спортзале... Школьники и теперь с открытыми ртами смотрят на своего кумира.

Но обратимся к минским делам. Японец оказался крепким орешком. Вернее сказать, гуттаперчевым. Гибок, увертлив, резок. Очень силен. На первых секундах японец перевел Курбанова в борьбу лежа, проведя болевой прием. Вот-вот судья остановит схватку. Но начал срабатывать курбановский «домкрат». Удержания у японца не получилось! И уже в стойке Курбанов применил свою излюбленную «скрутку». Причем по-курбановски, «вопреки физике», он тащит соперника вроде бы

Станция метро «Пушкинская». Фото И. Гаврилова.

НОВЫЕ ЛИНИИ МЕТРО

Московские метростроители одержали очередную победу, они досрочно выполнили свою пятилетку и социалистические обязательства по строительству и вводу в эксплуатацию новых линий Ждановско-Краснопресненского диаметра Московского метрополитена имени В. И. Ленина.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев поздравил рабочих, инженерно-технических работников и служащих Московского метростроя, эксплуатационников, всех участников строительства и проектирования новых линий с большим достижением. Метростроители вносят весомый вклад в дело решения транспортных проблем столицы. В короткие сроки в сложных инженерно-геологических условиях выполнены огромные объемы работ, созданы первоклассные подземные сооружения с высоким архитектурно-художественным оформлением станций. Новые линии столичного метро соединили центр Москвы с жилыми массивами Красной Пресни, Тушина, Текстильщиков, Кузьминок. Можно сказать, что подземный комфортабельный вид транспорта, как всегда, на высоте. Тут и высота скоростей и высота уровня технико-экономических достижений.

вверх, а тот «скручивается» вниз. И вот следует красивейший бросок «прогибом», и — победа! Чистая! На четвертой минуте!

Но, конечно, главная схватка была с Батсухом, чемпионом мира. Само собой, Батсух жаждал реванша. Сперва он, как и японец, вел в счете, однако «бухарский танк» уже на третьей минуте коронной «скруткой» сравнялся по очкам. Перелом в схватке? Или Курбанов на пределе? Видно было, что он еще не восстановил силы после только что закончившейся борьбы с японцем, тогда как Батсух вышел на ковер свежим, отдохнувшим.

Спокоен был лишь Калеткин, он знал, как никто, волевые качества Сабира. После броска Сабир ни на долю секунды не дал передышки сопернику. На четвертой минуте Батсух уже «плавал», и судья остановил схватку. А испанский борец был повержен через минуту и тридцать девять секунд. Так Сабир Курбанов стал обладателем наивысшего спортивного титула!

Двукратный чемпион мира Сайфутдин Ходиев и чемпион мира Сабир Курбанов — члены спортивного общества «Динамо». Заместитель председателя Узбекского совета этого общества Ю. Г. Будагов и директор республиканской школы высшего спортивного мастерства О. Л. Давидянц объяснили причину столь выдающихся успехов:

— Самбо — наш опорный вид спорта. И то, что в промежутке между пятой и шестой Спартакиадами народов СССР у нас появились два чемпиона мира, два чемпиона Европы, два победителя Спартакиады народов СССР, пять чемпионов страны среди юношей, семь призеров первенства СССР, не случайно. Дело в массовости. Большую помощь в работе оказывает нам министр внутренних дел Х. Х. Яхъяев, не говоря уж о республиканском Спорткомитете во главе с Г. П. Пулатовым. Ныне строятся специальные спортзалы для занятий самбо в Самарканде, Джизаке, Ургенче... Массовость — это как бы подножие спортивных вершин, покоренных нашими самбистами.

Ныне обозначилась еще одна вершина, на которую с надеждой посматривают узбекские мастера самбо. Предстоит розыгрыш Кубка мира. Кому он достанется?

Борис ГУСЕВ

Принято считать, что школа занимается обучением и воспитанием детей, а не их пап и мам. А родители оказывают учителям посильную помощь. Усилия семьи и школы соединяются, и... Но в Угловской восьмилетней школе все шло наоборот: учителям и ученикам порой приходилось воспитывать, точнее, перевоспитывать пап и мам, по крайней мере кое-кого из них.

В школе был заведен список неблагополучных семей. И в этом списке постоянно числились Федотовы, хотя ученик восьмого класса Игорь Федотов не считался трудным учеником и не доставлял хлопот педагогам. С первого по четвертый класс он учился только на «хорошо» и «отлично» и даже получал грамоты. Начиная с пятого класса стал учиться похуже, с тройками. Иногда приходил в школу, не приготовив уроки. И именно в эти дни учителя не спрашивали его. Но тут было не простое совпадение.

Семья Федотовых жила в отдельной двухкомнатной квартире нового пятиэтажного дома № 15 по улице Центральной. Соседями по площадке третьего этажа были учителя той же угловской школы. Перегородки в доме некапитальные. Учителя по беготне и доносившимся крикам знали, когда Игорь не готовит уроки и почему. Шум и крики означали, что отец Игоря снова пьян.

Глава семьи Виктор Михайлович Федотов, 1932 года рождения, работал электромонтером Угловского известкового комбината. В молодости был трижды судим за хулиганство, но каждый раз как-то удачно попадал под амнистию или получал срок условный. Уезжал на заработки в Воркуту, но и там проштрафился, был уволен, судим и вернулся домой с исполнительным листом. Полгода высчитывали 25 процентов. И здесь, на комбинате, проработав год, оскорбил женщину-мастера и получил 15 суток. Строго говоря, по закону, учитывая прошлое, его бы следовало привлечь за хулиганство по статье 206, часть 1. Но пожалели. К тому же Федотов считался хорошим специалистом.

Жена его, Александра Яковлевна,— полная противоположность мужу. Служила лаборанткой на том же комбинате. Очень старательная, дисциплинированная, не раз поощрялась. Но, как говорилось в характеристике, «характер замкнутый, близких подруг не имеет, избегает разговоров о семейной жизни».

Каждый, кто бывал у Федотовых дома, отмечал порядок и убранство квартиры: новая мебель, ковры, хрусталь в серванте. Естественно, телевизор. Кроме зарплаты, Виктор Михайлович имел дополнительный приработок — ходил по поселку, чинил приемники, телевизоры.

Станция и поселок Угловка лежат на дороге Москва — Ленинград, в Новгородской области. Поселок большой, разбросанный. Стройка, кирпичный завод, комбинат. Рабочих не хватает, поэтому администрация держится за людей. Уволят на комбинате, он пойдет на кирпичный завод. Вот так и за монтера Федотова держались, несмотря на его выходки и прогулы. А жена терпела, как терпят и некоторые другие. Но однажды все-таки пришла к начальнику цеха Виктору Николаевичу Красовскому. Жалобы никакой не писала, а просто хотела посоветоваться, как образумить мужа. А Красовский и сам не знал, как образумить его, и откровенно сказал:

— Чем помочь, Шура, не знаю. С супругом твоим мы уже возились много. И премии лишали, и на нижеоплачиваемую работу переводили, и сидел он пятнадцать суток. Что еще? Монтеров у нас не хватает, а он работник квалифицированный. Если уж стало невмоготу — расходись. Больше ничего не могу посоветовать.

Шура и сама думала о разводе. Вся ее жизнь с Федотовым сложилась нехорошо. Вначале думалось: молодой, постарше будет — остепенится. Но ни годы, ни тюрьма не подействовали на него. Братья и сестры Виктора Михайловича во всем винили ее, Шуру. «Ты отгородилась от нас, ссоришь Виктора с нами, вот он и высказывает недовольство»,— упрекали они. Шура и правда не любила родных Федотова. Каждый приход их — повод для выпивки. Прежде, когда они жили вместе со свекровью и свекром, Шура, бывало, убегала с сыном на половину свекрови и там пряталась. В отдельной квартире прятаться было негде. К соседям бежать совестно. В иные дни Шура с сыном ночевали на лестнице. Иногда Шура сомневалась: а может, она и в самом деле в чем-то виновата перед мужем — не сумела поладить с его семьей, не уберегла его от тюрьмы? Было и другое: все же какой-никакой, а муж. И семья. И достаток в доме. В редкие мирные дни ей было приятно пройтись с ним по поселку. Виктор — видный, интересный мужчина. И сколько ни колесил по стране, всегда возвращался в семью. А еще в утешение прихо-

дили мысли о том, что-де чего в семье не бывает, есть мужья и похуже Виктора. Все же он ей отдает получку. А что подработает — это его. И так до очередного скандала, от которого легонько позванивали хрустальные фужеры в серванте (посуду он никогда не бил, вещи берег). А наутро Шура шла на работу, глухо обвязав платком лицо, как при зубной боли.

Все это видел ее сын, Игорь Федотов.

— Скажи, Игорь, с каких лет ты помнишь ссоры отца с матерью? — спросили четырнадцатилетнего мальчика уже после того, как в доме Федотовых случилась трагедия.

— Наверное, лет с шести. Как помню себя. Отец всегда бил маму.

Комнаты в квартире были разделены передней, и, случалось, Шура, скрываясь от побоев мужа, забегала в комнату Игоря: надеялась, при сыне не станет... Но Виктор Михайлович не стеснялся сына. И однажды она в отчаянии бросила ему в лицо: «Вот подожди, вырастет Игорь, он тебе за меня отомстит». Конечно, она не думала и не предполагала, что эта фраза ее станет пророческой. Но дети такие вещи не забывают. И постепенно Игорь возненавидел отца. Отец почувствовал это. Если раньше гнев его обращался на жену, то теперь он тиранил и сына. Однажды соседи Федотовых услышали отчаянные крики. Женщина, живущая рядом, выбежала на площадку и забарабанила в квартиру № 28. Дверь оказалась незапертой, отворилась, и соседка увидела Игоря, лежащего на полу в передней и рукой защищавшегося от ударов. Над ним стоял отец с резиновым шлангом в руке, сложенным вдвое. На угрозу вызвать милицию ответил:

— Он сам виноват. Ему было велено в девять прийти, а сейчас одиннадцатый час.

Странно, что отец, никогда не интересовавшийся учебой сына и ни разу не побывавший в школе, вдруг придрался к такому случаю. Бросалась в глаза несоизмеримость нарушения с последовавшим наказанием. Соседка хотела увести Игоря к себе, но мальчик отказался. В школе заметили: Игорь стал скрытен. На вопросы о домашней жизни отмалчивался. А если настаивали — отвечал грубостью. Выражение лица его, прежде, как у всех ребят, веселошаловливое, теперь было нервнонапряженным. Но компания, с которой дружил он, была хорошая. В компании той была одноклассница Галя, девочка с живым и ясным умом. Она жила в том же доме и, конечно, была наслышана об отце Игоря, хотя сам мальчик ни о чем не рассказывал ей. Но что могла сделать Галя, если перед Федотовым пасовали лица, облеченные авторитетом и властью?

За лето 1974 года Игорь вырос, вытянулся и уже перегнал отца. Он водил мотоцикл. Раз отец позвал его на рыбалку. Мать обрадовалась: «Поезжайте вместе и хорошо отдохните». Игорь подумал и согласился, и они вместе с отцом поехали на рыбалку. Когда они вернулись, мать, отведя сына в другую комнату, стала расспрашивать, как они провели время с отцом. «Никак»,— мрачно ответил Игорь. «Ну, хоть говорили о чем?» «Ни о чем не говорили. Я был нужен отцу, чтоб обратно вести мотоцикл. Он там напился...» Так кончилась попытка их примирения.

Вскоре отец потребовал, чтоб Игорь подстригся. Никаких особо длинных волос у Игоря не было, были обычные, как сейчас носит молодежь. Игорь отказался. Конечно, он был неправ. В конце концов он находился в том возрасте, когда полагается слушать родителей. Тогда пьяный отец попытался связать его и насильно остричь. Но ему удалось отхватить лишь клок волос спереди: Игорь порвал веревку, вырвался и убежал. Больше отец не трогал его, они вообще перестали разговаривать.

В начале ноября 1974 года Игорь поздно вечером услышал тяжелые удары в соседней комнате. Он ворвался и, увидев лежащую на полу мать, крикнул отцу: «Не смей обижать маму!» «Молчи, щенок!» — огрызнулся отец. Он и раньше слышал от сына слова в защиту матери. Вначале: «Папочка, не надо бить маму!» Потом: «Отец, как тебе не совестно?!»

Теперь сын стоял в угрожающей позе, с поднятыми кулаками. Но все же Виктор Михайлович оказался посильнее: он повалил сына на кушетку и сильно побил. После этого Игорь сказал своему другу Юрию: «Я что-то должен сделать... Пока еще не решился».

Вот такая была атмосфера в семье Федотовых. Так все назревало и назревало, как будто не было никого вокруг, как будто бы существовал только один Федотов со своими братьями Федотовыми и компанией собутыльников. Как будто мимо не проносились экспрессы, а телевидение не вело своих передач по всем четырем каналам и лектор не читал в клубе лекций о борьбе с алкоголизмом; и вообще как будто бы в Угловке не было ни милиции, ни поселкового Совета.

Ведь все всё знали. Учителя школы были прямыми свидетелями скандалов и сами не раз выручали Игоря, приютив его и Александру Яковлевну у себя в квартире, чтобы они не ночевали на лестнице. Сложность, однако, заключалась в том, что все происходило внутри семьи. Не на улице, а в отдельной квартире. Но Игорь не знал закона, а мать его вообще не обращалась в милицию, хотя если бы она обратилась, то Федотову, неоднократно ранее судимому, грозило бы серьезное наказание. Может быть, именно это останавливало жену? Возможно, долгие годы жизни с семейным деспотом, алкоголиком стерли в ней понятия о человеческом достоинстве? И на смену всем чувствам пришло одно — терпение. Надо терпеть. Сделать ничего невозможно. А потом все-таки муж. Все-таки семья. И она продолжала до блеска натирать пол, а Игорь уже вынашивал мысль об отцеубийстве.

«СПРАВКА

Исполком Угловского поселкового Совета сообщает, что гражданка Федотова А. Я. лично обращалась к работникам Совета с просьбой сообщить, куда ей обратиться с жалобой на недостойное поведение мужа В. М. Федотова, выражающееся в издевательствах, оскорблении, избиении по отношению к ней и сыну. При посещении семьи Федотовых работникам Совета возможности поговорить с Виктором Михайловичем не представилось, так как Федотов В. не посчитал нужным разговаривать, покинул квартиру. В отношении же сына Игоря поселковый Совет компрометирующих данных не имеет.

Председатель исполкома Угловского поселкового Совета — Р. Борисова.

Секретарь поселкового Совета — Е. Воронина».

Этот визит представителей Совета, их бессилие, очевидно, убедили Игоря, что никто не в состоянии справиться с хулиганом-отцом и освободить его маму от издевательств. В четырнадцать лет в такой ситуации нетрудно зайти в тупик.

Наступил небольшой просвет: отец уехал в отпуск в Ленинград к своему брату. Но отдых длился недолго. Игорь гулял с друзьями в лесу, к вечеру вернулись домой. Как только Игорь взглянул на окна своей квартиры, сразу изменился в лице. Он увидел в окнах свет. Мать не могла его зажечь, потому что работала в вечернюю смену. «Ну, все»,— сказал он и пошел домой. В квартире за столом сидел отец, и перед ним стояли две бутылки — с вином и водкой.

...Около десяти вечера Игорь зашел в соседний подъезд и постучал Гале. Она вышла и спросила, что случилось.

— Я, кажется, убил отца,— ответил он.

— Что-что?! — вскрикнула девушка.

— Убил отца,— повторил он.— Мать ушла в вечернюю смену, мы остались вдвоем...— Игорь замолчал.

— О чем ты говоришь, идем немедленно! — воскликнула Галя.

— Куда?

— К твоей маме, на работу.

И Игорь покорно пошел вслед за девушкой. По дороге он спросил ее, что, по ее мнению, будет теперь ему.

— Не знаю... Наверное, посадят в тюрьму лет на десять,— отвечала она.

— Мне все равно. Главное, маму он уже не сможет мучить.

Придя на комбинат, они сообщили Александре Яковлевне страшную весть. Затем уже дело пошло своим чередом. Вызванная «Скорая помощь» констатировала смерть В. М. Федотова от нанесенного в сердце удара ножом. Следователь прокуратуры возбудил уголовное дело, Игорь был арестован. Началось следствие. Допросы свидетелей. Теперь уже все схватились за голову и все оказались умными. Да нет, пожалуй, не все. Родня Федотова, его многочисленные братья и сестры — послушать бы их показания в суде! Даже перед лицом происшедшей трагедии они говорили о каких-то мелких семейных сварах, винили жену убитого. Хотя бы кто-нибудь из братьев и сестер Федотова признался: «И мы виноваты! Мы пили с ним, мы настраивали покойного брата против его жены и этим накаляли обстановку в семье. Судите и нас, граждане судьи!»

Нет! Ни у кого не проснулась совесть. Мудрее всего сказала бабушка Игоря, мать Виктора Федотова: «Мне жаль сына и внука, все мы терпели от Виктора... Значит, и моя вина».

О терпении мы всегда говорим как о положительной черте. Но, как известно, всякая хорошая черта, доведенная до крайности, обращается в свою противоположность. И в этом случае долготерпение матери Игоря обратилось во зло. Задумаются ли над этим в остальных неблагополучных семьях поселка Угловки? И не только Угловки! Всему есть мера, в том числе и терпению.

Кстати, милиция и без заявления жены привлечь Федотова к ответственности могла.

«Ну, а суд?» — спросит читатель. Суд, как и полагается, был. С прокурором, с защитником, с публикой, заполнившей зал заседаний. Игорь признался в своем умышленном убийстве. Однако не раскаялся в свершенном деянии. Но адвокату А. М. Бородулину, защищавшему интересы 14-летнего подсудимого, было о чем говорить. Игорь сурово и справедливо осужден. Находится в воспитательно-трудовой колонии. Не так давно оттуда на имя матери Игоря пришло письмо от классной руководительницы Драницыной. Она сообщала: «Ваш сын Игорь Федотов замечаний по дисциплине не имеет, выдержан, скромен, впечатление о нем у педагогов хорошее».

...ЛИ ВСЕ...

Ольга САХАРОВА

ЕЕ ПЕСН

Не знаю, слышала ли со сцены Александра Николаевна сквозь гром оваций, как на ее авторском концерте в Колонном зале кто-то крикнул: «Молодчина Пахмутова!» Не знаю, задумывалась ли она когда-нибудь над тем, почему так тепло встречают ее в Братске и в Звездном городке, на кораблях Северного флота и в палатках пионерлагеря «Орленок»... Ведь даже в самой задушевной беседе не спросишь у человека: «За что вас любят? Именно вас, а не только ваши песни? Почему столько писем получаете вы от совсем незнакомых и далеких людей? Почему к вам тянутся дети? Почему доверяют вам душу люди суровые и замкнутые?..» Вот и я не спрашивала об этом Пахмутову, хотя ответ на все эти «почему», наверное, и есть ключ ко всему творчеству Пахмутовой, ее особой известности и почитаемости.

Я думаю, начать надо с того, что сразу есть и причина и следствие.

За что вообще можно любить композитора? Конечно, за музыку, за песни. Так ведь людям сплошь и рядом нравятся те или иные мелодии, и с удовольствием поют они песни, помнят об авторе, даже в лицо узнают его на телеэкране, но и только. А бывает по-другому. Песни одна за другой из каких-то на первый взгляд совершенно не связанных между собою примет определяют, создают, складывают душевный облик автора. И, слушая их, вы не только видите мир глазами композитора, но узнаете и его самого. Узнавание это безошибочно. Можно с холодным сердцем горячо выступать на дискуссиях и откровенничать в компании, выдавая цинизм за непосредственность, но песня не потерпит двойного дна: только искренность и глубина чувства, заложенного в ней, заставляют нас поверить композитору.

Так веришь Пахмутовой.

Что было у нее сначала, до песен? Было довоенное детство в поселке Бекетовка, под Сталинградом. Там остались добрые домашние вечера, какие-то важные тогда заботы, отцовская игра на пианино, рассказы отца о родном заводе, о дедушке, красном командире, погибшем в гражданскую, первые концерты в музыкальной школе... Потом военное отрочество. Война — глаза в глаза. Эвакуация в Караганду, с аккордеоном, заменившим рояль, с мечтой о будущей музыке... Были годы учебы в Центральной музыкальной школе при Московской государственной консерватории, угол в коммунальной квартире, занятия взахлеб, когда все — откровение: и фортепьяно, и ансамбль, и теория, и композиция, и каждый из ребят, кто рядом, и педагоги... И, наконец, высшая школа мастерства — консерватория, класс профессора Виссариона Яковлевича Шебалина. Ученик Мясковского, мэтр с академической музыкальной эрудицией и молодой душой артиста видит в программных сочинениях Пахмутовой свой почерк, свою умелость, следит за ее первыми взлетами и первыми разочарованиями... Целая жизнь готовит ее песни...

И все равно песня подпустила к себе не сразу. Будто с разных сторон ее рассматривала: смела ли, умна ли, нежна ли?.. А когда пригляделась, то приняла к самому сердцу. И все стало песней, и дедова и отцова память, и комсомольская честность, и девичья душевность... И сегодня они живут в «Песне о тревожной молодости»; с которой, наверное, началась «молодчина Пахмутова».

А сам композитор (которую, кроме как Аля, и не звал тогда никто) как-то целый квартал прошагала за незнакомым парнем, напевавшим вполголоса: «Забота у нас простая...»

— Знаете, как интересно было: идет себе человек и поет. Мою песню поет...

Когда же это было? Почти двадцать лет назад! О ком песня?.. О дедах наших, о самых первых комсомольцах. Но ведь поют-то ее и сегодня, поют наши дети. Снова о себе поют. Это уже их сердце песня в тревожную даль зовет, так же как звала геологов, целинников, молодых строителей... Александра Пахмутова писала о них песни, а они пели их у костров, во времянках-вагончиках, в палатках...

У Пахмутовой песни «особенные» не только по музыкальному их лицу — об этом в свой черед. У них особенная судьба. Известными они становятся молниеносно, запоминаются быстро, живут долго и не где-то в «золотом запасе», а в самом активном, боевом, сегодняшнем ряду. Они не мозолят уши, не застревают в голове паутиной назойливого мотивчика. Они просто живут в нашей общей жизни, и не как «шумовое» сопровождение, а как ее особый поэтический смысл. Ведь всегда, на каждом этапе истории есть то, что остается именно в песне: дух времени, его ритм, злоба каждого дня. Вот это-то и звучит в песнях Пахмутовой: полнокровность нашей жизни.

Думаете, просто это дается, чтобы все было не из третьих рук, а через свое сердце, свои глаза — пережитое, проверенное, понятое: во время поездок по Сибири, в опасном плавании по Падунским порогам... Смысл таких поездок Пахмутовой в полной творческой ее мобилизации, в чувстве действительного прикосновения к общему большому делу.

Пахмутова, как и ее соавторы поэты С. Гребенников и Н. Добронравов, ищет для песни не экзотику, а судьбы и характеры людей, взращенных нашей жизнью.

Три песенных цикла создано ими: в 1963 году — «Таежные звезды», в 1966 году — «Обнимая небо», в 1971 году — «Созвездие Гагарина». Внутри каждого цикла есть свое тематическое сцепление. Но пахмутовская их «особенность» не в приверженности этой, столь любимой ею форме. Циклы эти для композитора становятся вехами главного пути, определяя творческую сверхзадачу.

Каждый цикл имеет конкретных героев, вполне реально выписанных и в музыке и в поэтическом тексте. И эта конкретность характеров героев, их дела, строй их души, воплощенные в песне, становятся обобщенным образом нашего современника. Герой Пахмутовой — это не среднечеловеческое, некто вообще. Это человек, вышедший на шаг вперед, «герой среди нас», который зовет каждого встать рядом с ним. Вспомните: ребята с Усть-Илима, комсорг из Братска, Марчук, играющий на гитаре, девчонки, танцующие вальс на палубе ангарского парохода, монтажники высоковольтной линии ЛЭП-500 — это они стали героями цикла «Таежные звезды».

Самое название песни — «Нежность», лучшей в цикле «Обнимая небо», делает ее символичной; недаром год спустя она стала лейтмотивом кинофильма «Три тополя на Плющихе», где в неожиданном, почти утрированно народном исполнении Татьяны Дорониной песня выразила ту извечную, неисчерпаемую русскую бабью «жалостливость», которая в общем-то и есть, возможно, суть женской любви... Но в оркестровом звучании эта мелодия тут же вдруг засияла блеском утонченной кантилены, где альты и скрипки будто переливали струи звуков.

Третий цикл можно назвать оптимистической трагедией; главный герой ее — Юрий Гагарин.

— Почему вы с Николаем Николаевичем написали этот цикл? Потому что были большими друзьями Гагарина? Потому что тяжела боль утраты?

— Да... И еще потому, что нельзя забывать героев.

В «Созвездии Гагарина» выявились все возможности дарования Пахмутовой. Может быть, помогло и то, что писала она для певцов, хорошо знавших и любивших героя песен: горькая отчаянность и теплота звучат в голосе Юрия Гуляева, народная скорбь — в песне Людмилы Зыкиной, сдержанная мужская печаль окрашивает исполнение Иосифа Кобзона... И все они вместе воспевают живой, сегодняшний человеческий подвиг Гагарина...

Мне кажется, что центральным звеном этого цикла со временем станет песня «Смоленская дорога». Не потому, что имя героя будет меньше волновать в других песнях, а потому, что время, расстояние укрупняют истоки подвига... Идея цикла заключена именно в этой песне; широта, распевность ее мелодии напоминают старинную народную песню-плач. Плач жены, матери, земли. Плач той, кто дает жизнь герою. Не вспомню сейчас другой песни последних лет, где бы с такой силой воплощен был этот потрясающий образ.

Естественно, что психология женского чувства ближе Александре Николаевне, чем многим ее коллегам, но, по-женски мягкая, она умеет твердой «мужской» рукой отсечь наигрыш, имитацию женственности. Ни в ранних лирических песнях — «Хорошо, когда снежинки падают», «Я тебя люблю», — ни в теперешних нет сусальности, жеманства. «Ненаглядный мой», «Полынь» звучат как женская исповедь, горестная, а где-то вдруг и лукавая.

Есть в творчестве Пахмутовой песни, где, пожалуй, отчетливее всего виден ход времени: это песни о войне.

Война отходит от нас все дальше. Кажется, и незаживших ран остается все меньше... Почему же с каждым годом все больше людей идет 9 Мая на поклон к павшим? Почему плотным живым кольцом окружены места, где

И

собираются бывшие однополчане? Почему фильмы и книги о войне сегодня стали самыми яркими в искусстве? Может быть, потому, что теперь, спустя три десятка лет, стали понятнее безмерные глубины пережитого.

«Кто отзовется?», «Горячий снег», «Малая земля» — в этих песнях эхо войны, звучащее сегодня. Музыка их полна особого трагического пафоса: в них жива та мелодическая ниточка, которая тянется из фронтовых песен,— суровая и задушевная. Но в разработке мелодий, в оркестровой ткани живет голос сегодняшнего дня — мощный, многоликий. Отсюда широта художественного осмысления образов войны.

Песням Пахмутовой вообще свойственна емкость, широта музыкального образа. Песни о Владимире Ильиче Ленине, о партии, о комсомоле, написанные ею, звучат не только на торжественных концертах, в исполнении больших профессиональных хоров. Напоенные человеческим теплом, неподдельным чувством советского патриотизма, гражданственности, они сами становятся как бы непременными участниками комсомольских собраний, вечеров в рабочих клубах, школах, воинских частях... Пахмутовой и ее соавторам абсолютно чужд казенный, статичный тон. Гражданская лирика такой песни всегда полна живым током крови, пронизана движением вперед.

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди.

Песня-эстафета, песня-знамя — вот в чем назначение самой высокой темы в творчестве композитора.

Может быть, именно идея преемственности поколений на пути славной и трудной нашей истории руководит Пахмутовой, когда исполнение многих своих патриотических песен она поручает детскому хору, хотя, наверное, не меньшую роль играет здесь просто огромная любовь композитора к детям. Любовь большая, самоотверженная, а главное, взаимная. Попробуйте найдите в нашей стране школу, пионерлагерь, где бы не пелись пионерские песни Пахмутовой. Кантаты «Красные следопыты» и «Отрядные песни», «Звездопад», «Орлята учатся летать» — во всех этих сочинениях искренность детства, его задор и открытость, мечтательность и дерзость.

Композитор не снисходит до ребят, а стоит рядом с ними, не делая скидки ни им, ни себе. Песни Пахмутовой надо петь вместе с друзьями, плечом к плечу, веря в то, о чем они сложены.

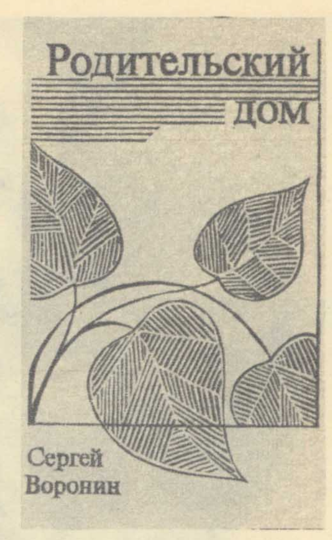
Она не облегчает и свою задачу. Напротив, учитывая подвижность детского голоса, композитор вводит в мелодию неожиданные модуляции, перебивки темпов, каноны, сложное многоголосие. При всем этом у ребят песня Пахмутовой будто сама поется.

...В доме звукозаписи шла репетиция. Детский хор еще и еще раз запевал: «Слышишь, товарищ, гроза надвигается...» Каждый раз ясно и голосисто. А внизу, слева, около хора, сидел мальчишка лет семи. Потом я поняла, почему его не поставили в ряд: он солировал в следующей песне, ждал своей очереди. Не томился, не глазел по сторонам, а отбивал рукой такт и истово подпевал: «Гайдар шагает впереди».

Дети, пионерия, по-моему, самая заветная любовь Александры Пахмутовой и Николая Добронравова. С великим уважением относятся они к своему труду для ребят, хотя говорят: «Главной песни для них мы еще не написали».

Да и вообще главное, наверное, всегда впереди... Сама жизнь требует новых свершений, а значит, и новых песен.

С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

«Родительский дом» Сергея Воронина населен самыми разнородными персонажами. Они обитают в райцентрах, селах, лесничьих сторожках, больших и малых городах. Они заняты разными делами: пашут землю, рыбачат, пишут картины, учат детей. Короче говоря, герои произведений писателя разнолики, как сама жизнь. И вместе с тем они объединены авторским видением мира, который в рассказах и повестях С. Воронина чаще всего предстает перед нами с неожиданной стороны.

Открывает сборник известная повесть «Ненужная слава». Тема, разработанная в литературе не одним писателем, взята автором в новом ракурсе. Доярка Катя Луконина самоотверженным трудом добивается и звания Героя и широкой известности. Ее избирают председателем колхоза. Есть у нее и любящий муж. Словом, история самая что ни на есть благополучная. Но в данном случае это скорее предыстория.

Конфликт в «Ненужной славе» возникает лишь после того, как Катя, теперь уже Екатерина Романовна, достигшая своего нынешнего положения во многом благодаря стараниям и ласковой заботе мужа, оказывается не в состоянии платить по тем моральным счетам, что предъявляет к ней жизнь. Отлично работать на ферме и руководить большим и сложным хозяйством — разные вещи, но учиться новому делу кажется ей излишним, ведь пока все идет хорошо. А муж, который в чем-то поправляет ее, искренне желая ей добра, стараясь сделать Катю достойной высокого поста, превращается для нее в чужого и завистливого человека. Свою ошибку она осознает только тогда, когда изменить что-либо уже вряд ли возможно.

Подлинным героем произведений С. Воронина, как правило, оказывается персонаж, который стоит на втором плане или даже почти вообще не участвует в действии. По такому принципу построены «Ненужная слава» и «Заброшенная вышка», «Последний меценат» и «История одной поездки» и многие другие рассказы сборника. И это не прием новеллиста, стремящегося писать так, чтобы поразить читателя эффектной, неожиданной концовкой. Эффектность как раз не свойственна манере С. Воронина. Автор убежден, что подлинная душевная красота не выдвигается сама вперед, не любит заслонять собой других. Обнаружить и показать ее — дело искусства.

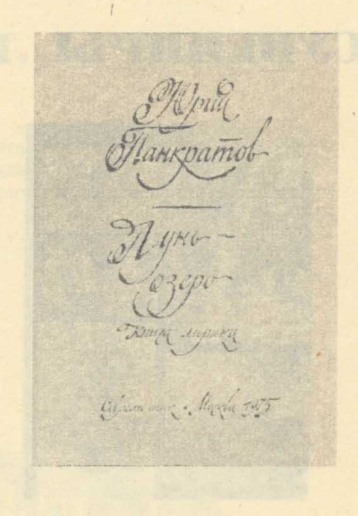
Сюжеты и язык произведений С. Воронина ясны и правдивы, как та жизнь, о которой он рассказывает. Оперируя вроде бы несложным материалом, касаясь будто бы общеизвестного, писатель точно находит «болевые узлы» в тех процессах, что анализируются им, и преподносит читателю собственную точку зрения, не навязывая ее, оставляя место для читательских раздумий над прочитанным.

Вот это умение увидеть в обыденном, сиюминутном значительное, соотнести частное с типическим и заставить размышлять над тем, что еще только возникает, но скоро может стать очень важным, и есть, по-моему, главная черта дарования С. Воронина.

В. МЕЩЕРЯКОВ

Сергей Воронин. Родительский дом, М., «Современник», 558 стр.

НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ

В искусстве поэзии, пожалуй, чаще, чем в других родах литературы, случается: пишет поэт много, и сборники его периодически выходят, а истинное лицо его музы остается как бы в тени, или — что, видимо, точнее — тени придают некую мозаичную раздробленность его облику. А затем появляется книга, не просто сборник, а именно единая книга стихов, и становится ясным подлинное дарование, и строй мыслей, и глубина чувства.

Книга лирики Юрия Панкратова «Лунь-озеро», куда вошло наиболее значительное из созданного им за годы работы, «открывает» нам уже давно знакомого поэта и дает многообразный материал для раздумий о его творчестве.

Что же за поэт Юрий Панкратов? Он, несомненно, обладает способностью наблюдать мир и передавать в стихах свое видение мира, рисовать картины штрихами и красками, одному ему ведомыми, казалось бы незатейливыми, но точными и выразительными. Вот, например, стихи о простой и загадочной траве зверобой:

Там, где мятлик растет
и пырей,
где волнуется зяблик рябой,
расцветает у кромки полей
золотая трава — зверобой.

Из загадочных вечных бездн,
ранним утром их зову вняв,
прошептали созвездья звезд
тайну жизни соцветьям трав.

Отличает поэзию Панкратова и ее «распахнутость» навстречу жизни. Выражается это качество в широте тематики и в ясности раскрытия мысли. Нельзя здесь не отметить исторической памяти, которой наделен поэт. Он нередко уходит в прошлое в поисках лексической свежести и ритмического обновления. Он черпает образность в фольклоре, потому что ощущает то неисчерпаемое, бесценное богатство, что таит в себе русская народная поэзия. Способность плодотворно использовать это богатство — сильная черта его таланта. А тонкое осознание прошлого дает поэту дополнительный импульс для движения вперед.

Торжественно, не праздно
в былинные края
течет река Непрядва —
страна, душа моя.

Она меня волнует
своею чистотой,
она меня врачует
высокой простотой.

Здесь зародилась правда
и песня началась.
Здесь, на реке Непрядве,
Россия родилась!

Юрий Панкратов — поэт, в новой книге которого искренне и проникновенно выражено высокое чувство любви к Родине.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Юрий Панкратов. Лунь-озеро. М., «Современник», 1975, 256 стр.

ЦВЕТНОЙ СОБОЛЬ

О его красоте и ценности ходят легенды. Около десятка чучел, оригинальных по окраске мехов, находятся в уникальной коллекции Дарвиновского музея. Гамма собольей пушнины: белый, голубой, ярко-рыжий, кремовый, желтый.

Однако легенды легендами, а на ферме Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства, которая расположена в живописных лесах Кировской области, можно воочию видеть цветных соболей. Восемь лет назад ученые-охотоведы решили разводить зверьков в неволе, но не в вольерах, а в клетках. Была создана небольшая ферма. Вскоре появилось первое потомство: пятеро щенят, затем еще девять. Необходимая для экспериментов база росла, но цветного соболя все не было. Около тысячи писем отправил сотрудник лаборатории В. Н. Чеглаков по разным адресам: в райзаготконторы, управления заготовок и просто знакомым охотникам — с просьбой поймать такого зверька и доставить его в кировские края. И вот удача. Драгоценный зверь занял отведенную ему клетку. Соболь оранжевого цвета стал на ферме тридцать пятым по счету. Это первый в мире цветной соболь, живущий в неволе. С его появлением ученые получили возможность начать селекционные работы по скрещиванию с черным, обычным. Какого цвета шкурки будут у потомства? Пока сказать трудно. По некоторым данным, число цветовых вариаций у «грядущего» соболя будет даже разнообразней, чем у норки. Коллектив ученых института верит в успех еще и потому, что в лаборатории кандидата биологических наук Г. В. Соколова уже созданы очень ценные цветные нутрии.

А. ИВАНОВ,
Л. СЕМЕНОВ

Фото Г. Щелканова.

СУВЕНИРЫ ЛЕСА

— Что за фабрика выпускает эти сувениры? — спросил один японский предприниматель на выставке «ЭКСПО-70». Долго и внимательно рассматривал он деревянные изделия, привезенные в Осаку из далекого Горномарийского района. Не мог знать бизнесмен, что выпускает их даже не фабрика, а всего лишь сувенирный цех при Дубовском лесхозе, Марийской АССР. Появился он года за два до открытия «ЭКСПО-70».

Каждый год в Дубовском лесхозе оставалось много отходов древесины. А не использовать ли их для производства сувениров? Решили — сделали. Правда, хлопот вначале было немало. Нет ни оборудования, ни инструментов, ни опыта. А главное, нет художников. Обратились за помощью в Москву. И вот в лесхоз приехала художница, специалист по прикладному искусству Ольга Николаевна Чеснокова. Она стала изучать марийский национальный орнамент, характерные сочетания цветов. Пришлось объездить много деревень, побывать в музеях. Вышивка и резьба по дереву,— пожалуй, наиболее популярные у марийцев виды художественного промысла. В них проявляются вкус народа, врожденное чувство прекрасного и стремление к художественному восприятию действительности. Ольга Николаевна делала зарисовки старинной и современной утвари, фиксировала форму чашек, тарелок, ложек, солонок и других кухонных принадлежностей.

Лесхоз тем временем закупил деревообрабатывающие станки. Построили специальное помещение. Из Горьковской области пригласили специалиста по изготовлению сувениров Парфена Михайловича Вагина — обучать местную молодежь. Закрутились-завертелись станки.

Сначала изделия раскрашивались примитивно — кружочками, точками, колечками. Со временем роспись усложнялась и совершенствовалась. Кроме геометрических узоров, на желтом фоне появились замысловатые перевивающиеся ленты, стебли растений. Орнамент обогатился росписью с завитками, с изображением клубники, вишни и других ягод и фруктов.

Ныне ассортимент изделий значительно расширился. Здесь наборы для пельменей и рыбы, ступы с пестиками, разделочные доски, бочонки для меда, сахарницы и многое другое.

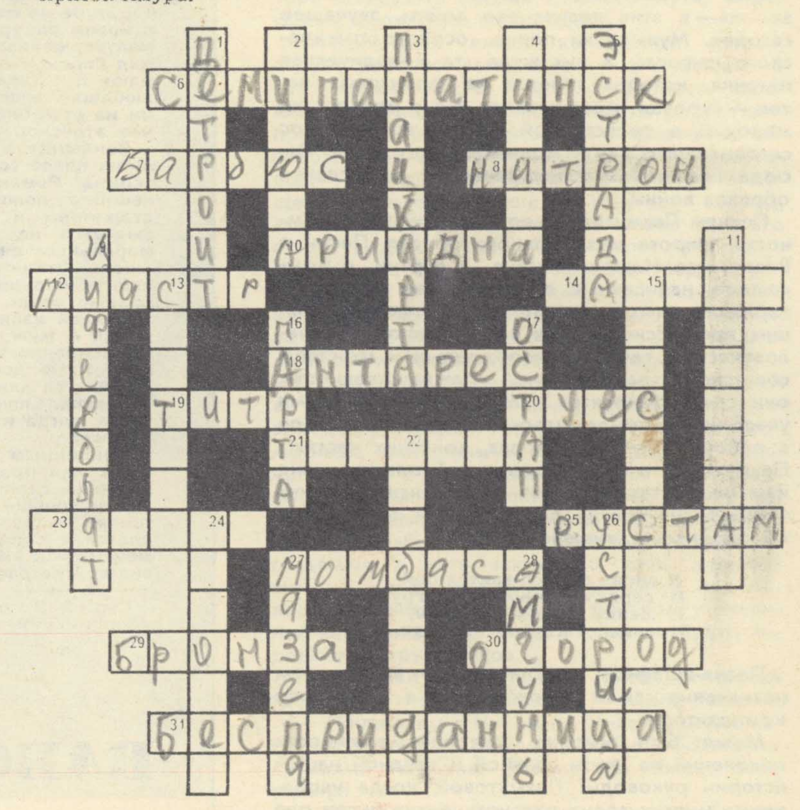
Сувениры марийского леса завоевали пять медалей ВДНХ. Их экспортируют в разные страны мира — ГДР, Францию, Чехословакию, Швецию, Финляндию...

Марат ЦЕБОЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Областной центр в Казахстане. 7. Французский писатель. 8. Синтетическое волокно. 10. Рассказ А. П. Чехова. 12. Монета Ливана, Ливии и некоторых других стран. 14. Южное вечнозеленое дерево. 18. Звезда в созвездии Скорпиона. 19. Надпись в кинофильме. 20. Берестяной короб для ягод и грибов. 21. Река в Красноярском крае. 23. Рыба семейства карповых. 25. Народный поэт Азербайджана. 27. Город в Кении. 29. Сплав меди с различными элементами. 30. Участок земли для выращивания овощей. 31. Пьеса А. Н. Островского.

По вертикали: 1. Порт на Великих озерах в США. 2. Поделочный камень. 3. Железнодорожная квитанция. 4. Басня И. А. Крылова. 5. Подмостки для концертных выступлений. 9. Деталь часов. 11. Самопишущий прибор для регистрации влажности воздуха. 13. Музыкальный интервал. 15. Нидерландский живописец эпохи Возрождения. 16. Школьная мебель. 17. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 22. Украинский композитор, народный артист СССР. 24. Птица отряда воробьиных. 26. Морской моллюск. 27. Опера П. И. Чайковского. 28. Приток Амура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. «Наливайко». 9. Квартал. 11. Платина. 12. Апофеоз. 13. «Школа». 16. Филатов. 17. Карасук. 18. Миткаль. 20. Колонна. 24. Зебра. 25. Браслет. 27. Боржоми. 28. «Иоланта». 29. Жаворонок.

По вертикали: 1. Маска. 2. «Дикарка». 3. Пастель. 4. Шкала. 6. Элиста. 7. Плотва. 8. Таджикистан. 10. Жемчужников. 14. Мозли. 15. Фагот. 19. Куплет. 21. Оберон. 22. Берлиоз. 23. Фронтон. 26. Тираж. 27. Барон.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Строительство Камского автогиганта. На высоте 250 метров алеет флаг — поднялась еще одна труба ТЭЦ. На вершине те, кто участвовал в ее возведении,— бригадир трубокладов М. П. Швец и строитель, Герой Социалистического Труда А. Б. Новолодский.

Рядом с корпусами комплекса — светлый новый город — Набережные Челны.

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Художественные изделия марийских мастеров пользуются неизменным успехом и у покупателей и на международных выставках. (См. материал «Сувениры леса».)

Фото И. Тункеля

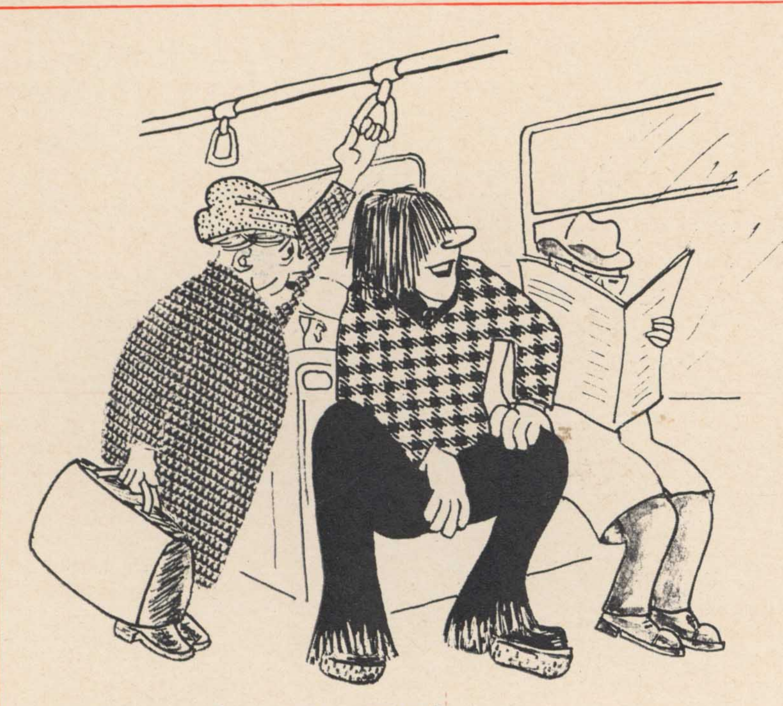
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

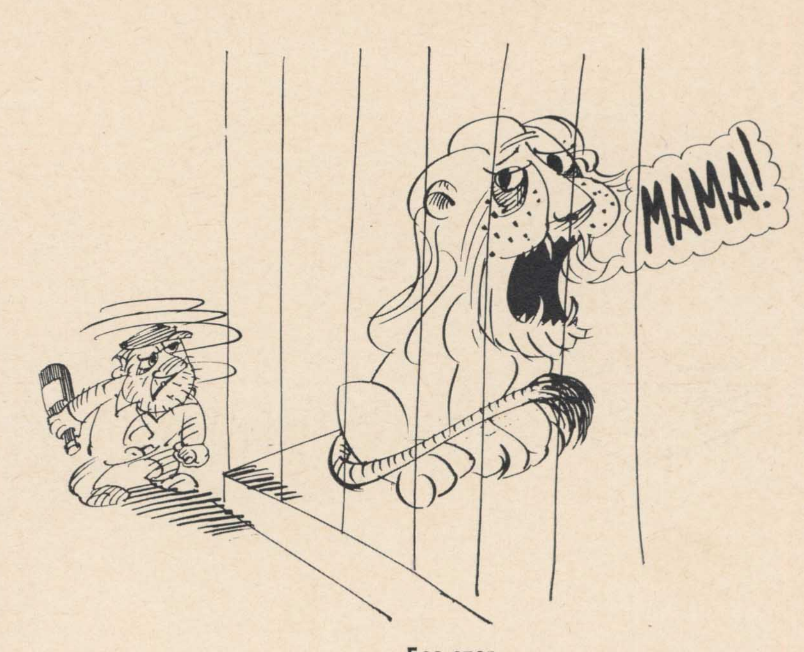
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/XII — 1975 г. А 00601. Подп. к печ. 6/I — 1976 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 222. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1541.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

— Уступили бы место, молодой человек.
— Вы же видите, что я не вижу...
Рисунки Н. ЕЛИНА

Без слов.
Рисунки В. ВОЕВОДИНА.

— Живущие внизу спрашивают, не продадим ли мы скрипку!

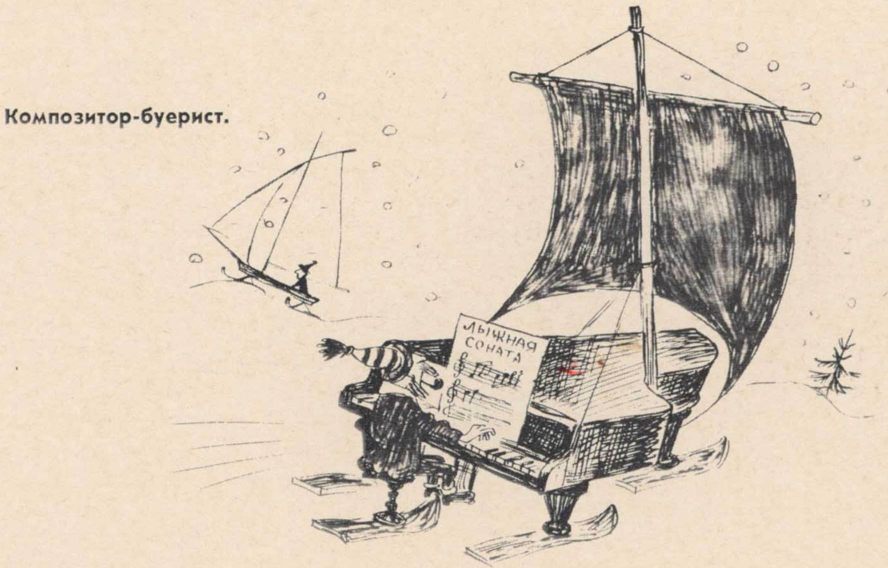
Бойцы экстра-класса.

Бухгалтер: — Благодарю вас, я пью только по случаю окончания финансового года!

— Это наш злостный браконьер!
Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

Композитор-буерист.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

